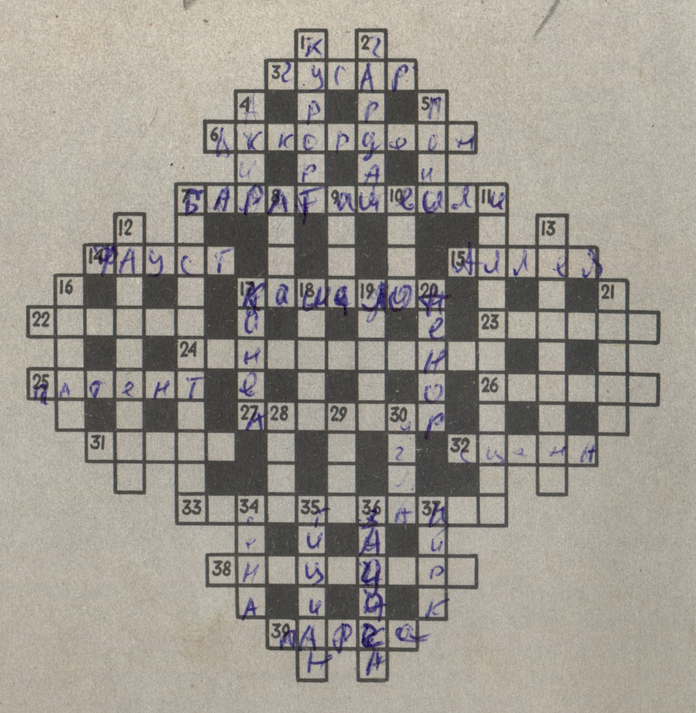
23-1-14

Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **3.** Стихотворение М. Лермонтова. **6.** Духовой музыкальный инструмент. **7.** Грузинский поэт-романтик XIX века. **14.** Опера Ш. Гуно. **15.** Дорога с рядами деревьев, посаженных по обеим ее сторонам. **17.** Морское млекопитающее. **22.** Репутация. **23.** Город в Австралии. **24.** Полифония. **25.** Документ о правах автора на его изобретение. **26.** Французский композитор XIX—XX вв. **27.** Звезда в созвездии Орла. **31.** Французский драматург, автор водевиля «Стакан воды». **32.** Часть действия, акта в спектакле, пьесе. **33.** Смягчение силы удара, толчка при помощи особых устройств. **38.** Установленный порядок ведения, рассмотрения какого-либо дела. **39.** Шелковая ткань.

По вертикали: **1.** Здравница. **2.** Венгерский народный танец. **4.** Персонаж древнегреческой мифологии. **5.** Порода лошадей. **7.** Прямая, проходящая через вершину угла и делящая его пополам. **8.** Южное дерево с твердыми ароматными плодами. **9.** Перекрытие дугообразной формы. **10.** Запрет. **11.** Изображение, сопровождающее и поясняющее текст. **12.** Опера П. Чайковского. **13.** Центральная часть стебля или корня растения. **16** Венгерский композитор и дирижер. **17.** Ткань для вышивания. **18.** Французский ученый, открывший закон изменения давления газа от его температуры. **19.** Мелкая древнегреческая монета. **20.** Мужской голос. **21.** Английский поэт-романтик XVIII—XIX вв. **28.** Художественный музей во Франции. **29.** Переносное жилище североамериканских индейцев. **30.** Колющий предмет, заостренный с одного конца. **34.** Река в Западной Европе. **35.** Итальянский живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения. **36.** Упражнение, решаемое посредством умозаключения, вычисления. **37.** Вид искусства.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

11•89 Общественно-политический ежемесячник

Игорь Бестужев-Лада
КАК ПРИ ЗАБАСТОВКЕ, НО БЕЗ ЗАБАСТОВКИ...

Владимир Лантратов
РЕФОРМАЦИЯ ИЛИ РЕФОРМИЗМ?

Виктор Переведенцев
ГДЕ ЧЕЛОВЕКУ ЖИТЬ

Владимир Война
СТРЕЛОЧНИК ВИНОВАТ?

Вадим Делоне
ПОРТРЕТЫ В КОЛЮЧЕЙ РАМЕ

МОСКВА, 1917-й...

Манифестация на Воскресенской площади (ныне площадь Революции) в октябре 1917 года.

В этом номере помещены фотографии из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов

11 (468) •89 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 02.10.89. Подписано к печати 03.11.89. Л21693. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 5,86. Тираж 100 000 экз. Заказ 242.
Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800-213}{М172(03)-89}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

Перестройка: дела проблемы, люди

ЗЕМЛЯ, АГРОКОМБИНАТ И КРЕСТЬЯНИН 2

Дискуссионный клуб

Владимир Лантратов. РЕФОРМАЦИЯ ИЛИ РЕФОРМИЗМ? 9
Игорь Бестужев-Лада. КАК ПРИ ЗАБАСТОВКЕ, НО БЕЗ ЗАБАСТОВКИ 13
Владимир Война. СТРЕЛОЧНИК ВИНОВАТ? 26

Москва и москвичи

Виктор Переведенцев. ГДЕ ЧЕЛОВЕКУ ЖИТЬ? 33
Ольга Володеева. У СВЯТЫХ ВОРОТ 41

Из редакционной почты

О ПАМЯТНИКАХ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ И КОТОРЫХ НЕТ 49
«НЕКРАСОВКЕ» БЫТЬ! 51

Литература и искусство

Вадим Делоне. ПОРТРЕТЫ В КОЛЮЧЕЙ РАМЕ. Фрагменты книги 54

ЗЕМЛЯ, АГРОКОМБИНАТ И КРЕСТЬЯНИН

Еще в недавнее время, нареченное сегодня застойным, лозунги, обращенные к труженикам села, отличались одномерностью, требовали только сильного рывка — и желаемая цель якобы будет достигнута. История показала, что натиск, пусть даже самый благонамеренный, не ведет к успеху. Свидетельство тому — прилавки магазинов.

В средствах массовой информации, повседневном общении вопрос о надежном обеспечении продовольствием обсуждается с пристрастием. Все настойчивее, злободневнее звучит рожденный на трибуне Съезда народных депутатов СССР призыв: «Дайте народу накормить самого себя!» В этом призыве, с одной стороны, видится четкий ориентир на удовлетворение потребностей человека, с другой — требование: не мешайте инициативе, не сдерживайте стремление народа по-хозяйски взяться за общегосударственное дело. Выход сегодня видится в том, чтобы возродить у крестьянина чувство хозяина земли, вернуть ему полноценные экономические права.

Агропромышленный комплекс Подмосковья располагает мощным производственно-экономическим потенциалом. Не так давно в районах области ликвидированы РАПО как не оправдавшие себя управленческие структуры. Вместо них созданы и работают агропромышленные комбинаты, объединения, агроторговые фирмы. Почти во всех хозяйствах развивается хозрасчет, арендный и семейный подряд, зарождаются кооперативные подразделения на основе переориентации собственности в рамках совхозов и колхозов. Вступают в экономические отношения с селом промышленные и строительные предприятия.

В русле демократизации и гласности партийные комитеты и организации направляют сложный и многогранный процесс выборности хозяйственных и общественных руководителей, оказывают помощь в политико-социальном росте советов трудовых коллективов, активно способствуют утверждению новых, эффективных подходов в экономике и общественной жизни. Через коммунистов, работающих в агропромышленном секторе экономики, через конкретные дела партийные организации стремятся выйти на совершенно иное качество идеологического воздействия — на всемерное пробуждение инициативы, развитие чувства хозяина и высокой гражданской ответственности, на формирование коллективной психологии, высокого авторитета творческого труда.

Среди возникших в последние годы объединений особое место принадлежит агрокомбинату «Раменское». Экономическое и социальное развитие этого предприятия постоянно находится в поле зрения Раменского горкома партии. Наиболее активное политико-идеологическое воздействие при этом направлено на создание гармонической связи своеобразной триады — земля — агрокомбинат — крестьянин, обеспечивающей выход на рубеж оптимального хозяйствования.

Пути решения этой непростой задачи стали темой беседы за «круглым столом», которую провел по просьбе редакции заведующий сектором средств массовой информации идеологического отдела МК КПСС Владимир Георгиевич КРАСНЕНКОВ. В беседе приняли участие: первый секретарь Раменского ГК КПСС Александр Сергеевич СОКОЛОВ, генеральный директор АПК «Раменское» Константин Викторович КУНИЦКИЙ и ректор Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного обучения Леонид Юрьевич КИСЕЛЕВ.

В. Красненков. В средствах массовой информации Раменский агрокомбинат фигурирует постоянно. Главным образом, это публикации, раскрывающие накопленный положительный опыт, те важные перемены в организации сельскохозяйственного производства, реализации продукции и материально-техническом обеспечении села, которые дают право поставить агрокомбинат «Раменское» в ряд наиболее перспективных экономико-хозяйственных формирований.

Дело, конечно, не просто в похвале, а в той реальной обстановке, позволяющей выйти на совершенно новое качество экономической жизни. И все-таки, Александр Сергеевич, я обращаюсь к вам в начале нашей беседы вот с таким вопросом. В бурном процессе демократизации и гласности, когда здоровая критика стала правилом хорошего тона, не убаюкивают ли одобрительные отклики, как это не раз бывало в прошлом? И не воспринимают ли некоторые товарищи, ответственные за организацию аграрной экономики, похвалу прессы как оградительный щит от всякого рода недоброжелателей?

А. Соколов. Скажу сразу и без всяких оговорок, что положительные отзывы прессы, многочисленные делегации, приезжающие к нам со всех концов страны за опытом, не вскружили нам голову и вскружить не могут. Все то доброе, что говорится в адрес раменцев, мы воспринимаем как начало большой и весьма ответственной работы по перестройке аграрно-промышленного сектора. Нерешенных проблем, конечно, немало, но радует то, что прокладываются эффективные и перспективные пути развития.

Горком партии так перестраивает политическую, идеологическую деятельность, чтобы в каждом коллективе агрокомбината в полную силу действовали принципы хозрасчета, самоокупаемости и самофинансирования, ускоренно формировалась та коллективная психология ответственности, которая позволит каждому конкретному труженику чувствовать себя полновластным хозяином. Отсюда главная задача первичных партийных организаций — оказывать всемерное влияние на раскрытие всех творческих начал личности.

Агрокомбинат, если говорить вкратце,— это структура нового типа. В его состав вошло свыше 50 хозяйств, предприятий и организаций, в том числе 18 совхозов и колхозов, ранее буквально растащенных по ведомствам и министерствам. Располагая экономической и финансовой самостоятельностью, агрокомбинат взял на себя обязанности по производству, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции, материально-техническому обеспечению хозяйств, капитальному строительству и развитию социальной сферы. При этом не нарушается принцип хозяйственной самостоятельности хозяйств, других предприятий. Кроме того, АПК осуществляет инвестирование производства, превратив все финансы агропрома района в мощнейший рычаг экономического подъема. На сегодня объем производства агрокомбината составляет 300 миллионов рублей в год, в том числе сельскохозяйственного — 120 миллионов рублей. Увеличивается продуктивность ферм и полей, и, пожалуй, среди других агрокомбинатов России наш занимает по качественным показателям ведущее место.

Руководство агрокомбината осуществляется советом директоров. Действует и совет секретарей партийных комитетов и организаций, оказывающий все большее воздействие на демократизацию жизни трудовых коллективов, идеологическое обеспечение перестройки экономики. В агрокомбинате свыше 1000 специалистов различного профиля, большинство которых члены партии. Совет секретарей парткомов и организаций

стремится дать конкретные рекомендации по их эффективному использованию, выдвижению на самые решающие участки производства. Но это только одна сторона дела. Вторая определяется тем, что городская партийная организация в целом ставит перед собой стратегическую цель: в ближайшее время снять с повестки дня наиболее острые социальные вопросы жизни села.

В. Красненков. В дискуссиях на Съезде народных депутатов СССР, мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС остро ставились вопросы о возрождении сельского хозяйства, возвращении прав хозяина крестьянину. Сейчас самых противоречивых мнений и предложений на этот счет множество. Поэтому интересно, как же вписывается в нынешнюю ситуацию сугубо раменская модель: земля — агрокомбинат — крестьянин? Раздаются ведь и скептические голоса, что она мало способствует преодолению рядовыми работниками сельского хозяйства безразличия к результатам своего труда.

Л. Киселев. Возможно, мне следовало бы высказаться чуть позже, поскольку речь идет о конкретном, раменском опыте. Но хочу только отметить, что ни в коем случае нельзя соглашаться с теми, кто видит причину деградации сельского работника в коллективном ведении хозяйства. Тут дело, на мой взгляд, в диктате командно-административной системы, продразверстке, в лишении фактической самостоятельности крестьянина и рутинном стимулировании его труда. Совхозы, колхозы, а теперь и агропромышленные объединения не только не исчерпали свои возможности, но еще по-настоящему и не научились их использовать. Что касается крестьянского, или фермерского, хозяйствования, то они могут стать дополнением к коллективному, крепким конкурирующим фактором на здоровой основе. Но надо как следует взяться за это дело партийным, советским, хозяйственным органам, работникам науки. Сейчас общее больное место — слабые кадры, неважно подготовленные как профессионально, так и экономически, отсутствие у наших крестьян деловой хватки. Большинство незнакомо с финансовой и кредитной сторонами дела, законодательством. Или я не прав, Константин Викторович?

К. Куницкий. Вы правы. Это принципиально важно, чтобы в процессе создания нового не впадать в губительные крайности, не поддаваться необузданной эйфории крушения исторически оправдавшего себя.

Агрокомбинат «Раменское» — не бюрократическая контора с модной вывеской. Это экономико-финансовое объединение полноправных партнеров. А земля, работник на ней — первооснова, как говорится, всего сущего. Главное предназначение комбината — производить, перерабатывать и реализовывать. Словом, дать к столу людей качественные продукты питания. Кроме того, на свои плечи мы возложили строительство жилья, объектов здравоохранения, культуры, образования, торговли и бытового обслуживания, а также дорог.

Принципиальный момент. Мы решительно отказались от различных государственных дотаций и льгот и обходимся сугубо своими средствами. Получаем ежегодно порядка 80 миллионов рублей прибыли. Надои молока от коровы превысят в нынешнем году 5 тысяч килограммов. Получаем стабильные урожаи овощей, картофеля, кормовых культур, что позволяет обеспечивать плановое их производство. Умножение усилий на основе добровольного объединения средств и материальных возможностей всех наших партнеров — это реальный путь к осуществлению целевой программы ускоренного подъема малорентабельных

хозяйств. К примеру, совхоз «Степановский», на протяжении длительного периода ходивший в числе экономически слабых. Как мы поступили? Совет директоров, опираясь на обоснованные рекомендации ученых, специалистов, разработал программу оздоровления экономики этого совхоза. Были сделаны крупные капитальные вложения. Возведены новые фермы, построено жилье, внедрены новые технологии в земледелие и животноводство. «Степановский» стал давать в год свыше 2 миллионов рублей прибыли и начал возвращать долги. В рамках комбината действует финансово-расчетный центр, напрямую выходящий на агробанк. А те хозяйства, средства которых идут на кредитование производства в других совхозах, колхозах, предприятиях, получают свой процент, и, разумеется, им гарантировано возвращение займов.

«Степановский» получил помощь и в переподготовке специалистов земледелия и животноводства. И прав Леонид Юрьевич, что забота о них, периодическая их переподготовка — важные условия постоянного продвижения вперед.

Как известно, наше сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность, система хранения и реализации продукции сильно отстали от требований времени. Благодаря интеграции усилий мы смогли механизировать уборку овощей. Так, практически вся морковь убирается комбайнами, сконструированными нашими умельцами. Возрос уровень механизации уборки картофеля. За счет получения валютных поступлений сумели реконструировать молокозавод, мясозавод, что позволяет уже сегодня поставлять потребителям молоко и другие молочные продукты с длительным сроком хранения и отменного качества.

Агрокомбинат взял на свой баланс крупную овощебазу, ранее принадлежавшую агропрому Москвы. База, расположенная прямо на территории района, стала надежным источником обеспечения картофелем и овощами 18 специализированных агрокомбинатовских магазинов в столице. Овощная торговля ведется агрокомбинатом и в городе Раменское.

Без интеграции наших усилий, самостоятельности район не вышел бы на такие прочные рубежи. Повторю, что все хозяйства, предприятия, входящие в агрокомбинат, самостоятельно ведут свою экономику. Но всегда вместе решают те вопросы, которые не под силу одному, даже двум-трем коллективам. А крестьянин получил возможность работать эффективнее и производительнее. Преимущества коллективного хозяйства в том, что есть необычайно широкие условия для совершенствования специализации сельскохозяйственного производства, перевода на прочную промышленную основу переработки и реализации сельскохозяйственной продукции. Открывается простор для крупномасштабного внедрения новейших достижений научно-технического прогресса. Это реальные преимущества коллективного хозяйства.

В. Красненков. Я видел ваши специализированные магазины. В Раменском торговом продовольственном центре АПК пользуется популярностью. Тут и кафе-мороженое, и автоматизированная булочная-пекарня, предлагающая прекрасный хлеб с пылу с жару. Это тоже можно отнести в актив агрокомбината?

К. Куницкий. Бесспорно. Потому что ни одному предприятию, ни тем более хозяйству не удалось бы так сразу и широко выйти на уровень прямого удовлетворения потребностей населения. Такая вот важная деталь, характеризующая основной путь решения продовольственной проблемы.

Сами хозяйства используют все имеющиеся экономические рычаги

для наращивания производства продуктов земледелия и животноводства. В колхозе «Борец», делая ставку на полный хозрасчет, замыкая оплату труда на конечный результат, добиваются высокой эффективности производства. В совхозе «Заворово» основой производства стали специализированные кооперативы, что дало труженикам все права хозяина.

А. Соколов. Сделаю такое еще добавление. Объединяя производственно-экономическую мощь, всемерно развивая самостоятельность хозяйств, агрокомбинат самым активным образом способствует перестройке социальной сферы на селе.

Советы директоров, секретарей партийных организаций агрокомбината выступили инициаторами преобразования деревень к концу столетия самым коренным образом. Сейчас сельские дома электрифицированы, на 82 процента газифицированы. Практически ко всем населенным пунктам имеются дороги. К 1998 году будет полностью решена жилищная проблема. Ежегодно вводится 80—100 индивидуальных домов, возводимых самими сельчанами на кредиты агрокомбината. Много делается для того, чтобы полностью обеспечить село медицинским обслуживанием, школами. На это тоже отпускаются средства агрокомбината, работает его стройиндустрия.

Для коммунистов крайне важна эффективная борьба с иждивенческой психологией, борьба за раскрытие созидательных способностей каждого сельского жителя. Живешь на селе — имей подворье. Но без целенаправленной помощи агрокомбината не обойтись. Решения по этому поводу приняты интересные, и они реализуются.

Так, в совхозе «Никоновское» действует племенная ферма по разведению высокопродуктивных ангорских коз, закупленных агрокомбинатом за рубежом специально для личного крестьянского хозяйства. Много желающих купить этих ценных животных, чтобы производить целебное молоко и обеспечить им в первую очередь детей, пожилых людей. Думаем организовать специальную переработку такого молока.

В районе — 27 тысяч крестьянских дворов, а коров-то держат только 946 семей. А 30 лет назад на личных подворьях насчитывалось 17 тысяч коров. Надо, чтобы корова была, по крайней мере, в каждом дворе, а там, где есть желающие иметь домашнюю ферму, и по 10—12 коров. Агрокомбинат идет на то, чтобы предоставить кредиты, молодняк, корма. Это крупнейший резерв, с помощью которого мы обеспечим наше население молочными продуктами, больше сможем их давать и столице.

Есть планы вернуть все прилегающие деревням земли в их непосредственное пользование. Координировать эту работу взялись сельские Советы.

К. Куницкий. А сколько мяса могут дать личные подворья? По нашим подсчетам, не менее 3 тысяч тонн в год. Но для этого нужно, во-первых, стабилизировать госзаказ на поставку мяса в централизованные фонды, тогда все, что будет производиться в личном секторе, поступит местному потребителю, будет продаваться на рынках и в наших специализированных магазинах. Во-вторых, не связывать людей по рукам и ногам мелочной опекой, не подкидывать всякие дополнительные задания в виде «патриотического» вытягивания других районов, проваливающих свои программы. А наши хозяйства готовы продавать населению большое количество поросят, молодняка птицы и крупного рогатого скота.

А помочь крестьянину обрести необходимые знания для ведения личного хозяйства грамотно и эффективно должна наша наука.

Л. Киселев. Наш институт открыл школу арендаторов. В течение месяца-полутора за небольшую плату мы в состоянии научить любого человека вести самостоятельно домашнее животноводство, огородничество, возделывать корма.

К. Куницкий. Агрокомбинат может на это дать при необходимости кредиты крестьянину. Это наш долг. Предлагаю заключить договор. А можете помочь нам в переподготовке специалистов?

Л. Киселев. При институте в течение шести месяцев перспективный специалист может получить солидную переподготовку. Думаю, нам надо идти на конкретный эксперимент. Только сообща, всем миром возможно дать деревне вторую, полноценную жизнь. Сегодня агрокомбинат и крестьянина связывают прочные узы. А что касается будущего, то при профессиональной подготовке крестьянина, становлении его хозяйства появляются возможности и для того, чтобы он стал самостоятельным арендатором земли. Вы, кстати, Константин Викторович, не боитесь конкуренции?

К. Куницкий. Нет, это даже будет хорошо, если хотя бы 25—30 процентов продукции будет давать арендатор. Вот председатель колхоза «Борец» Алексей Федорович Филиппов хочет создать арендные личные хозяйства в колхозе, чтобы они конкурировали друг с другом, соревновались за лучшее ведение дела. Причем колхоз обеспечит арендаторам необходимые материально-финансовые возможности, реализацию продукции. Есть подобные планы и в других хозяйствах. Плодотворный эксперимент разворачивается в совхозе «Заворово», где кооперативы показывают большое умение вести дело. Тут открываются новые возможности соревнования, развития социалистической предприимчивости.

А. Соколов. Политически и идеологически мы стремимся обеспечить радикальную экономическую реформу на селе, по-настоящему развернуть борьбу за самоотверженный творческий труд, за интересы потребителя, высокое качество продукции. Хочу только подчеркнуть, что надо все это делать серьезно, основательно, чтобы не впасть в бюрократическую кампанейщину.

Новые формы организации труда тесно увязываем с утверждением принципов социальной справедливости, непримиримости к нетрудовым доходам, нравственной неразборчивости.

В. Красненков. Как практически это осуществляется? У меня есть сведения, что, например, материальное положение многодетных семей вы стремитесь поправлять через новые формы организации и оплаты труда?

А. Соколов. В совхозе «Гжельский» на семейный подряд отдают целую ферму, чтобы многодетная семья была здесь полноправным хозяином. Тут же построен семейный коттедж. Расчеты показывают, что семья сможет иметь высокий заработок, создать все материальные и трудовые предпосылки для полноценного воспитания детей. Намечается создание таких семейных ферм и в других хозяйствах.

Мы пришли к выводу, что на селе надо развернуть комплексную программу «Милосердие», которая бы охватила ветеранов войны и труда, престарелых людей, а также семьи, где нет отца или матери. Надо формировать общественные фонды как из личных взносов, так и коллективных. Причем наш агрокомбинат проявил и в этом инициативу. Перестройка должна принести счастье в каждый дом.

В. Красненков. Мощное идеологическое средство — печать. Мы в начале беседы говорили о том, что центральная и областная пресса высоко оценила первые результаты, достигнутые агрокомбинатом. Но и конструктивная критика тоже на пользу. Я знаю, что вы, Александр Сергеевич, всегда стараетесь как можно спокойнее и рациональнее использовать даже острые критические замечания, высказываемые в адрес раменцев. Но вот такая проблема, как перестройка многотиражной печати. В ряде хозяйств издаются многотиражные газеты, во многом не отвечающие запросам людей, партийных комитетов, трудовых коллективов. Не настала ли пора создать многотиражную газету агрокомбината?

А. Соколов. Да, такая газета нам нужна. Партийная организация, трудовые коллективы поддержат эту инициативу.

К. Куницкий. Как хозяйственник, я также обеими руками за это предложение. Умное газетное слово — это наш верный и хороший помощник. Все имеющиеся средства идеологического обеспечения общественного обновления должны работать надежно.

А. Соколов. Самое бесценное наше богатство — земля и, конечно, человек-труженик на ней. Мы много говорили об этом, красиво, с пафосом, но не всегда так работали. В пору перемен, которые вызваны к жизни демократизацией и гласностью, утверждением реальной высокой нравственности, коммунисты призваны быть в авангарде на всех направлениях перестройки. Так мы и действуем, проверяя поступки только делом, только тем, как сегодня себя чувствует человек труда.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В девятом и десятом номерах «Горизонта» редакция познакомила читателей с документами двух внеуставных объединений московских коммунистов — Московского партийного клуба и Межклубной партийной организации.

Как показали многочисленные звонки в редакцию и отклики средств массовой информации, эти публикации были необходимы и своевременны.

Во-первых, люди могли узнать об этих объединениях, что называется, из первых рук, во-вторых, в рамках идущей сейчас в Московской партийной организации дискуссии о роли и месте партии в меняющемся обществе, проблемах ее демократизации, о совершенствовании деятельности, опубликованные материалы позволяют, в процессе их обдумывания, четче определить свою позицию, дать верную оценку ситуации.

Возникновение внеуставных объединений в партии — явление, мягко говоря, не совсем обычное. И вряд ли оно может быть всеми оценено однозначно.

Сегодня своими размышлениями об этом явлении делится ответственный работник Московского городского комитета КПСС Владимир Алексеевич Лантратов.

Владимир Лантратов

РЕФОРМАЦИЯ ИЛИ РЕФОРМИЗМ?

Об участии коммунистов в самодеятельном общественно-политическом движении

Пленум МГК КПСС (июль 1989 года) принял решение о развертывании городской партийной дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся положения в партии, места и роли КПСС в перестройке. Руководствуясь духом демократического централизма, городской комитет предоставил первичным организациям всю полноту инициативы в определении круга вопросов этой дискуссии, ее приоритетных и второстепенных, общих и частных направлений с тем, чтобы на основе широкого обобщения итогов обсуждения в «первичках» сформулировать позицию Московской партийной организации в преддверии XXVIII съезда КПСС.

Первые месяцы дискуссии показали, что далеко не во всех первичных организациях коммунисты оказались готовыми к возрождению прочно забытой практики выяснения коллективного мнения партии. Весьма нередки случаи ухода от обсуждения глубинных, коренных вопросов общественной и партийной жизни. Видимо, все еще живуча сформулированная Маяковским парадигма обывательства: «Нам, товарищ, думать неча, если думают вожди». С другой стороны, иногда приглашение к партийной дискуссии воспринимается как призыв выяснять не столько мнения, сколько отношения коммунистов друг к другу. Вспоминаются старые обиды, с размаху лепятся ярлыки, и все кончается дружным сетованием на недостаточную нашу политическую культуру.

Что же, издержки обучения демократии неизбежны, особенно в таком новом, точнее, хорошо забытом старом деле, как партийная дискуссия. Вместе с тем обсуждение идет, постепенно набирая темпы, высвобождая все большую энергию коммунистов, способствуя раскрепощению сознания, освобождению его от стереотипов «застойного» мышления. Все более привычным, чуть ли не обязательным становится подчеркивание коммунистами л и ч н о своей позиции, все выше ценится л и ч н о е мнение, все чаще, оглядываясь вокруг себя, коммунист видит, что вчерашняя партийная «масса» сплошь состоит из личностей, многие из которых придерживаются весьма различных, а то и противоположных взглядов на один и тот же обсуждаемый вопрос.

Наблюдая сегодняшние партийные собрания, видишь, как уходят в прошлое инертность и пассивность поведения коммунистов. Однако далеко не всегда активность на собраниях свидетельствует об активизации мышления. Кто-то удачно сказал: «Есть люди, которые прилагают массу усилий только для того, чтобы ничего не делать». Поражаешься порой энергии и напору иных членов партии, отстаивающих свое право видеть жизнь такой, какой они ее «выучили» по учебникам 30—50-х годов. Другие с не меньшим апломбом отстаивают свое право следовать социал-демократическим концепциям, некоторые положения которых в самой разнообразной интерпретации, нередко довольно далекой от оригиналов, щедро подаются сегодня нашей периодикой и рядом толстых журналов. К сожалению, дискуссия дает пока еще маловато материала для анализа не абстрактно-теоретических, но

конкретных и практических трудностей в деле перестройки партийной жизни.

В этой связи представляется очень своевременным решение редакции журнала «Горизонт» опубликовать документы различных самодеятельных общественно-политических организаций, в частности, Московского партийного клуба и Межклубной партийной организации (№ 9 и 10 за 1989 г.). Будучи знаком с деятельностью обеих этих организаций, регулярно встречаясь с их лидерами, я хотел бы поделиться с читателями некоторыми своими соображениями по поводу этой новой для нас формы участия коммунистов в общественном движении, а заодно прояснить некоторые моменты истории возникновения и развития самодеятельного движения среди московских коммунистов.

Сам факт активного участия членов партии в самодеятельном общественно-политическом движении, их деятельность в рамках неформальных, то есть официально не зарегистрированных, организаций представляются мне не только естественными, но и весьма своевременными, вполне отвечающими основной задаче партии — знать и уметь выражать интересы различных групп и слоев общества. То, что в конце 1988 года коммунисты, принимавшие участие в деятельности различных общественных организаций, решили создать межклубную партийную группу (МПГ), где они могли бы обсуждать проблемы самодеятельного движения, различные подходы к решению насущных задач перестройки, также явилось следствием естественного для членов партии стремления объединить свои интеллектуальные и организационные усилия.

Поэтому, когда активисты МПГ Г. Гусев, В. Кардаильский, В. Лысенко, М. Малютин, С. Станкевич, В. Розанов, И. Чубайс и другие обратились в Московский городской комитет партии с предложением координировать действия, их инициатива получила поддержку. Ряд их встреч с секретарями МГК, работниками его идеологического отдела, консультации, проведенные с работниками исполкома Моссовета, позволили в значительной степени ослабить взаимное недоверие и напряженность.

В то же время в ходе совместного обсуждения проблем неформального движения как ответственные работники горкома, так и активисты МПГ яснее представили себе многие проблемы, связанные со стихийностью процесса активизации и политизации общественного мнения, многообразием форм его выражения. Для разработки предложений к XIX партийной конференции и XXVIII съезду КПСС в распоряжение МПГ были предоставлены аудитории Общественно-политического центра МГК и МК КПСС.

Сразу должен оговориться, что сотрудничество активистов самодеятельного движения с партийными комитетами отнюдь не имеет и не имело характера безоблачной идиллии. Следует честно признать, что не все райкомы партии с готовностью приняли идею широкого диалога с самодеятельным движением. На неформалов — членов партии порой смотрели чуть ли не как на отщепенцев. Доходило дело и до попыток сделать скоропалительные «оргвыводы» по некоторым из них. Потребовалось немало усилий, чтобы преодолеть обоюдный накал страстей, взаимных обвинений и осуждений, наладить деловой разговор на основе терпимости к нетрадиционным подходам, необычной постановке проблем, непривычной фразеологии.

Нужно сказать, что и в горкоме бывали и теперь еще случаются

серьезные споры с партийными «неформалами». Практика показала, что самое демократичное сопоставление различных точек зрения далеко не всегда может привести к взаимному согласию. Однако с самого начала существовало и продолжает существовать взаимопонимание в главном вопросе: необходимо приложить все силы для того, чтобы улучшить нашу жизнь, укрепить авторитет партии, делом доказать авангардную роль коммунистов в перестройке. Правда, в мае 1989 года на одном из заседаний группа раскололась, не выдержав испытания на альтернативность. Были представлены на обсуждение два проекта дальнейшей работы. После бурных дебатов выяснилось, что при отсутствии в них принципиальных различий взгляды на организационные вопросы все-таки существенно отличаются. Неформальный подход к партийной демократии проявился в «голосовании ногами»: часть группы демонстративно покинула совещание. Так возникли существующие ныне МПК и МПО.

Позволю себе высказать мнение, что серьезных оснований, на первый взгляд, для раскола МПГ не было. Ведь буквально накануне злополучного майского заседания группой вполне единодушно было принято обращение к партийным организациям о подготовке внеочередного съезда КПСС, демократизации партии, о внесении изменений в ее Программу и Устав. Эти же идеи проводятся обеими вновь созданными группами и поныне. Лишь спустя какое-то время разногласия во взглядах на формы и методы работы, разделившие МПГ, приобрели идеологическое оформление, заложив основу платформ деятельности двух партийных клубов. В чем различие? На мой взгляд, прежде всего — в оценке сегодняшнего положения в КПСС и обществе, отразившей разные взгляды на запас времени, отпущенный историей для преодоления сложившейся кризисной ситуации. При этом те, кто считает, что «ждать нельзя ни дня», склонны к использованию готовых рецептов, предлагаемых социал-демократией Запада. Другие настаивают на внимательном изучении имеющегося исторического опыта, выделении в нем позитивных моментов, учета немалых особенностей, отличающих нашу страну от «западных демократий», подчеркивают, что механический перенос сложившихся там организационных форм на нашу почву чреват непредсказуемыми последствиями.

Думается, что в данном случае перед нами пример ситуации, когда более углубленная проработка обеими группами теоретических вопросов вполне могла бы привести к достижению компромисса и продолжению совместной работы, однако устремления их лидеров, желающих во что бы то ни стало защищать лишь свой вариант оценки, усугубляют и обостряют разногласия. Это, впрочем, не мешает, как тем, кто создал Московский партийный клуб, так и оставшимся в Межклубной партийной организации, в целом ряде случаев предпринимать совместные действия, а многим активистам одновременно участвовать в работе обеих групп.

Несколько слов об опубликованных документах. Мне не раз приходилось принимать участие в заседаниях клубов, где в весьма оживленных дискуссиях конкретизировались и «расшифровывались» многие положения, изложенные в документах достаточно «дипломатично», и я не сомневаюсь в искренности намерений их авторов найти скорейший и по возможности наиболее радикальный выход из представляющегося им «тупиковым» положения, в котором оказались наше общество и партия. Видимо, многие из членов обеих групп рассматривают выработанные ими документы как основу для своего рода партийной «реформации» наподобие знаменитых тезисов, прибитых Лютером к стене

Виттенбергской церкви. Я, надо сказать, не разделяю их энтузиазма в этом отношении. Особенно сомнительным представляется мне ряд тезисов «Платформы Московского партийного клуба к XXVIII съезду КПСС», последнее время распространяемой его активистами на митингах и других мероприятиях.

Итак, в чем существо предлагаемой в этом документе партийной реформы? Прежде всего цель. Она видится в поэтапной передаче партией «властных полномочий» Советам. На первом этапе при «сохранении ею традиционных политических функций», на втором, видимо, при отказе от этих функций «в процессе становления многопартийной системы». Благородство подобного небывалого в реальной истории политического альтруизма, судя по всему, представляется авторам документа самоочевидным, поскольку, как они считают, только отстаиваемая ими «модель демократического социализма» позволит, наконец, нашему обществу «принять полноценное участие в глубокой реконструкции человеческой цивилизации на справедливых и гуманистических началах».

В ходе этой гуманистической реконструкции, которая, если следовать документу, будет осуществляться, с одной стороны, «новоявленными предпринимателями, нуворишами и пр., а с другой — «большей частью рабочего класса и интеллигенции — слоев, наиболее подверженных у г р о з е (выделено мной.— **В. Л.**) эксплуатации», при наличии «все более усложняющейся социальной дифференциации общества», реформированная партия и должна вести «постоянный поиск разумных политических компромиссов, подчиняясь обществу, которое «четко контролирует» эффективную экономику, «следит за ее антимонополистическим и антиэксплуататорским характером, обеспечивает справедливое перераспределение прибылей и материального достатка в целом и исключает хищническое отношение к природе и ее ресурсам в ущерб жизни последующих поколений». Предоставим читателям самостоятельно прокомментировать идею превращения партии трудящихся в согласительный орган по поиску компромиссов между «нуворишами» и «большей частью рабочего класса и интеллигенции» и коснемся средств, предлагаемых МПК для осуществления этой цели.

Они, в общем, вполне доступны. Следует прежде всего провести «реформу идеологии» партии, отказавшись, как это сформулировано в «платформе», «от ошибок, допущенных классиками в экономическом, социально-политическом и других аспектах теории научного социализма — например, фетишизация планового характера экономики и классовой борьбы, отрицание рынка и множественности форм собственности». Не отказывая марксизму как теории в «гуманной сущности» «основных идей», авторы документа предлагают «взять из этой теории в сегодняшний и завтрашний день... только то, что оправдано жизнью и годится в практической работе».

Если учесть, что Маркс даже на Западе признается одним из авторитетных теоретиков рынка и, будучи создателем теории фетишизации товара и денег, вряд ли удостоил бы фетишизацию планирования ранга «теории», а Ленин впервые дал характеристику основных хозяйственных укладов, а с ними и форм собственности переходного периода, то непонятно, что же именно из теоретического наследия «классиков» предлагается отринуть. Разве что классовую борьбу, но ее «придумали» задолго до Маркса. Создается впечатление, что авторам документа «марксистско-ленинская идеология» знакома преимущественно в ее «догматической, сталинской форме», которую они вполне справедливо клеймят. Смешивая марксистско-ленинскую теорию со сталинскими ее извращениями, принцип демократического централизма с «перекосом в сторону централизма», теоретики МПК проявляют завидную широту натуры, предлагая просто взять и отбросить как первое, так и второе (чтоб не разбираться),— средство, видимо, представляющееся им простым и надежным, поскольку буквально под руками находится «социологическое и политэкономическое богатство, которое было разработано за рубежом за десятилетия экономического и социального экспериментирования».

Лично мне подобная размашистость при решении действительно сложнейших проблем, стоящих сегодня перед нашим народом, нашим государством и нашей партией, весьма напоминает ту граничащую с безответственностью простоту, о которой народная мудрость отзывается весьма нелицеприятно.

Считая оправданным самый широкий диапазон вариантов политических, экономических и социальных решений насущных проблем, я тем не менее полагаю, что поиски путей реформы партии и общества, если говорить о Коммунистической партии и советском обществе,— это в значительной мере поиски той не всегда четко просматриваемой грани, которая отделяет власть трудящихся от власти денег, власть народа от власти его правителей, а в конечном итоге — революционные реформы от уклончивого реформизма.

Игорь Бестужев-Лада

КАК ПРИ ЗАБАСТОВКЕ, НО БЕЗ ЗАБАСТОВКИ

Вопросы политической борьбы глазами социолога

Слухи о том, что проблемы, стоящие перед нашей страной, якобы очень сложны и трудноразрешимы, сильно преувеличены. Спору нет, страна оказалась в таком тяжелом положении, что признан недостаточным первоначальный диагноз: «предкризисное состояние», и все чаще слышатся слова о самом настоящем кризисе — с возможным переходом ситуации из критической в катастрофическую, от чего в июле этого года, когда начались шахтерские забастовки и возникла угроза забастовки железнодорожников, мы были буквально на волосок. Но нам теперь почти досконально известно, почему и каким образом страна докатилась до кризисного состояния. И существует в общем и целом довольно ясное понимание — многократно выраженное публично с различных трибун — каким именно образом из этого состояния выходить. Ничего особо сложного или трудного тут не просматривается. Иное дело, что при выходе из кризисного состояния

И. В. Бестужев-Лада — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий сектором Института социологии АН СССР, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.

задеваются интересы не просто влиятельных, а прямо-таки всевластных слоев населения, которым хочется и время, то бишь видимость реформ, провести, и свою невинность, в смысле полноты власти и связанных с ней привилегий, соблюсти. Как только это затруднение тем или иным способом преодолевается — все остальное становится проще простого, что неоднократно подтверждалось конкретными примерами.

Особенно во время памятной июльской шахтерской забастовки.

Сказка, сделанная былью (Чернобылью)

Вспомним, как сделалась окружающая нас сегодня жизнь. Столетие назад была чисто умозрительно разработана доктрина перехода от одного общества, реального, но несовершенного, к другому, идеальному и совершенному — без мелких предпринимателей, которые порождают крупных, а те сгибают в бараний рог все население; с одинаково казенными работниками, которые трудятся на общество по своим способностям и получают от него по своему труду; без рынка с его жуликами-спекулянтами. Вместо этой мутной стихии — разумное централизованное планирование производства, распределение и потребление без проклятых денег, имеющих гнусное обыкновение скапливаться не у добросовестных тружеников, а у заведомых бандюг. Крайне неприятными для помянутых тружеников последствиями. Вместо этой гнусности — простые учетные «дензнаки», которые можно печатать столько, сколько будет признано целесообразным.

Казалось бы, что можно придумать разумнее и справедливее! Тем более что придумывалось не на вечные времена, а всего на несколько лет, пока казенные работники, воодушевленные переходом от несправедливости к справедливости, не изготовят столько товаров и не окажут столько услуг, что станет возможным обходиться вообще безо всяких «дензнаков», а распределять произведенное по потребностям.

В 1918 году попытались претворить эти принципы разума и справедливости в жизнь. Что получилось! Сначала — крайнее обострение гражданской войны, затем — крестьянская война, забастовки рабочих, волнения в армии, политический кризис и почти полная изоляция в Московском Кремле реализаторов вышеочерченной доктрины с перспективой полной катастрофы в самом близком будущем.

Спасти положение удалось только быстрым спуском с идеальных эмпирей на реальную грешную землю. Пришлось даровать жизнь мелкому предпринимателю в городе и на селе. И даже не только мелкому, а способному эксплуатировать чужой труд. Пришлось дать простор рынку. Пришлось вернуться от «дензнаков» к деньгам, которые невозможно печатать, как вздумается, потому что каждый напечатанный на бумаге рубль должен обеспечиваться золотом.

Не сказать, чтобы получилось идеальное общество. Неразумности и несправедливости хватало. Мало того, назревали серьезные противоречия и осложнения, так что надо было поломать голову, чтобы сообразить, как их преодолевать. Все так. И все же те несколько лет, пока «низкий» реализм оттеснял на второй план «высокий» идеализм, составили самый благополучный период за всю тысячелетнюю историю страны. Ни до, ни после того ничего подобного никогда не было.

Спустя всего несколько лет после начала отрезвления логика борьбы за личную власть в верхах заставила повторить попытку осуществления неосуществимого. И на этот раз она удалась. Правильно ведь было сказано, что нет ничего легче реализации утопии. Только

какой ценой! Никакая Золотая Орда не могла бы разорить сельское хозяйство страны более свирепо, чем это было сделано в 1929—1933 годах. Миллионы зверски погубленных жизней! Провал был настолько очевидным, что удержаться у власти стало возможным лишь за счет чудовищной цепи провокаций и тотального террора, беспрецедентного в истории человечества по жестокости и масштабам.

Гора трупов... И еще больше живых, завидовавших мертвым. На этой горе воздвиглась империя утопического, казарменного социализма. Принудительный труд обездоленных крестьян, превращенных в своего рода ссыльнопоселенцев в их родных деревнях без права отлучки, обязанных работать, по сути, задарма, за право пользования своим крохотным приусадебным участком, чтобы не умереть с голода. Принудительный труд рабочих с запретом менять место жительства и работы, с угрозой тюрьмы при малейшем протесте, даже просто при опоздании на работу. Превращение служащих — всех служащих, от секретаря сельсовета или управдома до академика или народного артиста — в своего рода духовных надзирателей за принудительно трудящимися. С весомой надзирательской «подкормкой» сообразно чину каждого. Плюс целая армия безостановочно работающих доносчиков-«стукачей», плюс целый селевой поток безудержной политической трескотни и социальной демагогии. Гигантская машина тотального и, надо сказать, весьма успешного оболванивания людей. Результат: тонкая прослойка энтузиастов, искренне поверивших в реальность утопии, под ними — гораздо более обширный слой, так сказать, энтузиастов поневоле (куда ж деваться!), еще ниже — море отчаяния и безысходности. И над всем — зоологический, животный страх, годами вколачивавшийся в людей и оказавшийся способным генетически передаваться от поколения к поколению.

Царство страха и лжи

Не будем смешивать это царство с трудовыми и ратными свершениями людей — энтузиастов и неэнтузиастов,— благодаря которым страна смогла выжить и даже в какой-то мере развить народное хозяйство и культуру вопреки прямо-таки антиэкономической и антигуманистической политике правительства. Воздадим должное героям, труженикам, жертвам. И зададимся вопросом, насколько жизнеспособной оказалась созданная система, а также, насколько конкурентоспособной по сравнению с иными существующими.

Нам до сих пор неизвестно (хотя это пора бы сделать известным), какова была реальная эффективность данной системы в 30-х годах, насколько более или менее эффективно развивалось бы народное хозяйство страны, если бы труд был не принудительным, а свободным, если бы не было подорвано сельское хозяйство и не было бы таких чудовищных по масштабу репрессий, граничащих по характеру с геноцидом или с разорением государства каким-нибудь захватчиком.

Кризисные явления были, так сказать, затушеваны стремительной милитаризацией экономики и культуры в преддверии и в начале второй мировой войны. А затем тенденции социально-экономического развития на более чем десять лет радикально видоизменились Отечественной войной и восстановлением после нее народного хозяйства, когда неподдельный всеобщий энтузиазм спасения отечества, то есть моральный фактор, далеко на задний план отодвинул минусы политико-экономического характера.

Собственно говоря, атмосфера страны — военного лагеря, осажденного врагами, искусственно сохранялась до начала 50-х годов: бесконечные военные авантюры в Греции, Южном (Иранском) Азербайджане, Западном Берлине, наконец, в Корее; угроза войны с Турцией и Югославией (от чего мы были на волосок); продолжавшаяся «внутренняя война» — против собственного народа — то в Ленинграде, то в Москве с кровавым эхом по всей стране.

Однако к середине 50-х годов, когда с внешними и внутренними авантюрами на время покончили и обстановка более или менее нормализовалась, предкризисное состояние страны обозначилось довольно отчетливо. Стало очевидным, что вместо царской России, которую называли Индией с германской армией, появилась... все та же Индия (тех лет) с примерно американскими вооруженными силами, включая атомные и водородные бомбы, а также другое оружие массового уничтожения. И была спешно разработана стратегия выхода из этого состояния, очередная доктрина перехода за 20 лет от реально имевшегося общества к идеальному, да еще к такому, где сразу все — «по потребностям». Очередная социальная утопия.

Нужно отдать должное гражданскому мужеству утопистов-реформаторов. Были полупублично полуосуждены злодеяния и самые настоящие преступления минувших трех с лишним десятилетий. Были освобождены миллионы невинно осужденных, кому посчастливилось выжить в тюрьмах и концлагерях (другим миллионам не посчастливилось). Были вторично в истории страны освобождены от крепостной зависимости десятки миллионов крестьян, упразднен принудительный труд в городе и на селе. Начался беспрецедентный в истории человечества быстрый массовый переход почти сотни миллионов людей от патриархального сельского к современному городскому образу жизни. Словом, за какие-нибудь 15—20 лет от Индии (тех лет) доехали до Греции или Испании (тех лет) — продвижение значительное...

Но эта вторая перестройка общества, если считать первой ленинскую новую экономическую политику 20-х годов, начала притормаживаться буквально через несколько месяцев после начала. Приглушили разоблачения недавнего прошлого. Вторичным «обобществлением» домашнего скота и кукурузной эпопеей ударили под дых едва начавшему приподниматься сельскому хозяйству. Устроили очередной погром — правда, в гомеопатических дозах по сравнению с предыдущими лошадиными — в сфере культуры и искусства. Втянулись в новую внешнюю авантюру на Кубе и едва не довели дело до третьей мировой войны. А затем приостановились и заметались в судорожных противоречивых волюнтаристских дерганьях, сообразив, что дальнейшее продвижение по пути перестройки задевает кровные интересы правящих кругов — от управдомов и райкомов до министерств, обкомов и выше.

Пока возвращали паспорта крестьянам или вновь обобществляли их коров, пока реабилитировали невинно осужденных или громили абстракционистов, всевластная бюрократия держала нейтралитет или даже принимала во всем этом участие, наживая политический капитал. Но как только всевластного партсекретаря стали делить на два полувластных полусекретаря — промышленного и сельского, стравливая их друг с другом по принципу «разделяй и властвуй», как только высшие сановники государства, подобно их коллегам в середине или конце XVIII века, почувствовали, что дикий самодержавный произвол может в любую минуту коснуться их шкуры — а эти шкуры уже не стригли впрок так свирепо, как в 30—40-х годах, и они успели задубеть на сво-

Февраль 1917 года

Проводы на фронт женского «батальона смерти». Июнь 1917 года

Очередь за продуктами. Июль 1917 года

их постах,— участь нового политического лидера была решена. Его отправили на пенсию таким же самым образом, каким он избавился до этого, по меньшей мере, от дюжины соперников или слишком настырных сподвижников.

Лидер ушел, а проблемы остались. Мало того, еще до его ухода всем, кто имел возможность и способность понимать сложившееся положение, стало ясно, что очередной прожект есть очередная утопия, абсолютно несбыточная. Конечно, публику можно было какое-то время тешить разными новыми словосочетаниями, объявляя существующую реальную действительность «развитой» или еще какой-нибудь. Но понимающим было очевидно, что застой даже на уровне не Индии, а Греции и Испании (того времени) неизбежно кончится катастрофой в самом близком будущем — тем более что страны Запада развивались все более стремительно и разрыв увеличивался на глазах.

Началась третья попытка модернизации экономики и культуры, третья перестройка, ядром которой должна была явиться экономическая реформа с предоставлением промышленным предприятиям относительной самостоятельности в хозяйствовании. И снова, как и в предыдущий раз, спустя буквально год-полтора после ее начала, стало очевидным: чем самостоятельнее, предприимчивее трудовой коллектив и его члены, тем явственнее никчемность паразитической правящей бюрократии, тем реальнее для нее угроза сметения с лица исторической действительности. Чехословакия 1968 года наглядно показала, куда ведет перестройка. И наступила реакция. Начатые реформы без лишнего шума были свернуты. Для острастки строптивых был учинен очередной погром — на сей раз главным образом в сфере общественных наук. Страна впала в спячку, открылся самый продолжительный в ее истории период застоя. И, естественно, сразу же всем, не окончательно потерявшим способность осмысливать происходящее, стало очевидным наличие предкризисной ситуации, грозившей недалеким кризисом и катастрофой — тем более на фоне стремительно развивающихся государств Запада и даже многих стран Востока, что заранее предопределяло судьбу гонки вооружений отнюдь не в нашу пользу.

Нельзя сказать, что не предпринималось никаких шагов, чтобы попытаться вытащить страну из трясины, в каковую она довольно быстро погружалась. Была развернута шумная кампания по «соединению преимуществ социализма с достижениями НТР», по «использованию преимуществ советского (он же социалистический) образа жизни», причем намечались конкретные пути решения экономических и социальных проблем в перспективе ближайших двух десятилетий. К концу 70-х годов эти разработки были сведены в «пакет» очередных проектов крупномасштабных реформ, заявленных в 1979 году как грядущая, четвертая по счету, перестройка. Но как только вновь стало очевидным, что при любой сколько-нибудь радикальной реформе задеваются интересы правящей бюрократии — «пакет» был положен под сукно. «Дайте умереть спокойно»,— любил говорить впавший в старческий маразм новый политический лидер.

И ему дали умереть спокойно, так и не разбудив страну от гибельной спячки в трясине застоя. Было втуне потеряно еще почти полтора десятка драгоценных лет.

Следующий политический лидер вернулся к идее новой, пятой по счету, перестройки. Ни он, ни его сподвижники не знали с чего начинать. Им очень хотелось изменить все, не меняя ничего. Поэтому начали с попытки искоренения безобразий, особенно бросавшихся в глаза. Пугнули нашу торговую мафию — и на прилавках появилась часть

припрятанных для спекуляции товаров. Пугнули наших праздношатающихся — а их только в Москве ежедневно с 9 часов до 21 часа вечера не менее миллиона в пределах Садового кольца и еще столько же в пределах от Садового кольца до кольцевой автодороги — и чуть приопустели улицы, чуть подсократились магазинные очереди в рабочее время. Неизвестно, как пошла бы пятая перестройка дальше (на сей счет не было никаких объявлений), но новый лидер, к несчастью, пришел к власти смертельно больным и вскоре умер.

Новый лидер — новая реакция: полное восстановление статус-кво порядков 70 — начала 80-х годов, такое, как если бы восстал из гроба и стал по-прежнему править позапрошлый лидер. Но и этот, причем на сей раз трудно сказать, что к несчастью для страны, пришел к власти смертельно больным и вскорости последовал за предыдущим.

Нынешний лидер — шестая по счету попытка перехода от утопии к реалии. Позади неудачные кавалерийские наскоки на пьянство, за которым обрисовалась твердыня наших вековых «питейных традиций», которую шашкой и пикой, то бишь очередью и рублем, не возьмешь, затем на «нетрудовые доходы», за которыми оказалась еще более труднодоступная твердыня теневой экономики. Позади крушение иллюзий, будто из застоя можно выйти простой экономической реформой, просто принятием законов о самостоятельности предприятий и дозволенности коопераций.

В разгаре политические преобразования, сопровождающиеся обострением политической борьбы, распадом более чем полувековых принудительных связей — экономических, социальных и политических,— переходом из предкризисного состояния в самый настоящий кризис.

И решимость довести до конца то, что не было доведено до конца ни в 1956-м, ни в 1966-м, ни в 1979-м, ни в 1983-м году.

Почему же столь остра внутриполитическая борьба! Почему так живуче столь явно нежизнеспособное!

Кшатрии и парии конца XX века

Более трех тысяч лет назад с севера, из-за гор, пришли в долины Инда и Ганга племена ариев. Покорив туземцев, они основали общество, которое просуществовало без значительных изменений до середины нашего столетия, а во многих отношениях сохраняет традиционные порядки до сих пор. Общество это состояло из четырех сословий: жрецов-брахманов, воинов-кшатриев, земледельцев, ремесленников, торговцев — вайшиев и слуг-шудров. Каждое сословие подразделялось на множество замкнутых каст со строгой иерархией престижности. Кроме того, существовало много низших каст, стоявших вне сословий. Наименование одной из них стало нарицательным: парии. Два первых сословия составляли привилегированную аристократию, два последних — высшие и низшие слои простонародья, а париев вообще не считали людьми, подобно рабам в античном мире.

В древнеиндийском обществе сословно-кастовое деление проявило себя особенно рельефно и потому вошло в историю как своего рода эталон-образец. Гораздо более прискорбно то, что такая мерзопакостная в общем-то вещь, как сословно-кастовое деление, в самых замысловатых проявлениях то и дело дает о себе знать в обществе, гордо именующемся социалистическим.

Пригляднтесь внимательнее к окружающей нас социальной действительности.

Вот наши кшатрии-служащие. Они составляют примерно треть всех занятых в общественном производстве. Нижние этажи-касты этого почтенного квазисословия мало чем отличаются от несчастных пенсионеров: их денежный доход столь же мал и побочных источников дохода тоже нет. Тем не менее редкие родители не хотят видеть свое чадо всеми правдами и неправдами протиснувшимися в эту среду. Неважно, что сотня в месяц: «сами прокормим до его, чада, собственной пенсии, а опуститься в «низшие сословия» не дадим!» Правда, не имеющие родительской поддержки и обремененные семьей вынуждены покидать синекуры у письменных столов и становиться к станкам, садиться за руль, вставать за прилавок. Именно так поступили, например, к середине 80-х годов 7 миллионов наших дипломированных специалистов — каждый пятый из 35 миллионов обладателей дипломов. Но данное исключение лишь подтверждает общее правило: всеми силами наверх, к письменному столу! И выше! И выше! И выше!!!

Не особенно велика зарплата и у кшатриев этажом повыше, вплоть до самых верхних этажей. В среднем она не больше, нередко даже меньше, чем у представителей любого другого «сословия», на что обычно и ссылаются, когда пытаются отвести попреки в своекорыстии правящей бюрократии. Но ведь зарплата в данном случае не имеет ровно никакого значения! У обер-кшатрия жена рожает в спецроддоме, ребенок идет безо всякой очереди в спецдетсад, затем в спецшколу, затем в какой-нибудь институт разных отношений, наконец, минуя стройбат и тем более «афганку», прямиком на «теплое место» с загранкомандировками — разве что немного покантуется в какой-нибудь службе поприличнее, если увернуться от армии насовсем не получится. Муж не стоит часами за колбасой «для населения», которой брезгают даже кошки-собаки, или за скороходовскими сандалиями, которые невозможно носить. Ему все выдают с черного хода (если чином пониже) или привозят на дом (если повыше). Он питается в спецстоловой, одевается в спецателье, живет в специально построенном доме в квартире со спецпланировкой, отдыхает в спецсанатории или на спецдачах, лечится в спецбольнице и отходит в мир иной на спецкладбище. Даже если получает 250 рэ в месяц, как иные-прочие.

Сейчас за льготы и привилегии для партгосаппарата народные депутаты СССР, подогреваемые негодованием населения, вроде бы взялись всерьез. Но можете ли вы себе представить, чтобы какой бы то ни было зав или зам, председатель или секретарь часами стоял в очереди за колбасой или за ботинками, ковырял гнущейся вилкой нечто отвратное в обычной столовой, платил в южном городе по пятерке в сутки за койку на вонючей террасе рядом с еще десятком таких же «счастливцев», мученически мучался с каждой земной проблемой, начиная с родов жены в роддоме, зараженном бациллами и хамством обслуживающего персонала, и кончая похоронами, где шагу к могиле не ступишь без четвертной и сотенной! Представить такое чрезвычайно трудно даже при самом богатом воображении.

Добавьте к этому престиж, почет, власть, упоение ими.

Вот почему заветной мечтою и смыслом существования каждого обер-кшатрия является сохранение своего положения любой ценой (подчеркиваем: л ю б о й ценой), а для каждого унтер-кшатрия — подняться в «оберы». Тоже л ю б о й ценой.

Из общей более чем сорокамиллионной массы служащих, помимо 18 миллионов управленцев и почти такого же количества «просто служащих», выделяются отечественные жрецы-брахманы: 2 миллиона обер-брахманов — научных работников, деятелей культуры, священно-

служителей и десяток миллионов унтер-брахманов — инженеров, учителей, врачей. Здесь «спецобслуживание» пожиже, хотя на верхних «этажах» мало чем отличается от управленческого, а нижние «этажи» мыкаются в точности так же, как и прочие «сословия», и держатся лишь престижем либо призванием. Зато кастовость — точно такая же, как в партгосаппарате. Для брахмана-академика любой членкор — презренный шудра, не говоря уже о париях — докторах и кандидатах наук. Для членкора такой же шудра — «просто» доктор наук. И так далее. Точно так же, скажем, писатели делятся на брахманов — членов Союза писателей СССР, на шудров (в глазах брахманов) — членов профкома литераторов и на париев — вообще никаких не членов. Артисты — на «народных» и «ненародных», «заслуженных» и «незаслуженных», притом — по-разному «народных» и «заслуженных». И ни один из брахманов, соловьем разливающихся о демократии и экологии, никогда ни слова не пискнул насчет гнусности и вредоносности для общества такого положения вещей!

Особо выделяются торговцы-вайшии. Тут никаких льгот и привилегий в помине нет. Зарплата — ниже нижайшей. Тем не менее известны случаи, когда платят сотню в месяц за место со сторублевым окладом... Мистика! Нет, просто теневая экономика, которой для нас до самых недавних пор как бы не существовало. И только сегодня мы заговорили о сотнях миллиардов «теневых» рублей на четыре сотни «нетеневых», бюджетных. Словом, это — особое «сословие», особый мир, где завскладом, повар или продавец может получать 80 рэ в месяц и на эти деньги содержать полдюжины иждивенцев, приобретать кооперативные квартиры, автомашины и стотысячные дачи для себя и для всех своих подросших чад. Но: не пойман — не вор!

Положение осложняется тем, что в данное «сословие», с одной стороны, вливаются первые миллионы кооператоров, без которых, как сейчас яснее ясного, экономики не поднять, а с другой — отъявленные преступники, действующие все более нагло и открыто. Так что порой и не поймешь, кто тебя грабит: продавец, псевдокооператор или далеко не псевдобандит. Но эта тема заслуживает особого разговора.

Ниже идут работяги-шудры — большинство населения страны. Какова их жизнь и насколько она отличается от жизни кшатриев — брахманов, каждому известно без слов по собственному опыту. Достаточно сказать, что в этом «сословии» в отличие от двух предыдущих, изобилующих миллионами синекур, за которые грызутся насмерть, пустующих рабочих мест хоть отбавляй. Счет — тоже на миллионы.

Наконец, на самом низу — парии-колхозники. Точнее, бывшие парии. Несколько десятков лет назад они были лишены даже того малого, что доставалось шудрам: ни бесплатного жилья, ни зарплаты, ни оплачиваемого больничного листа, ни пенсии, никаких бытовых удобств, никакого мало-мальски сносного медобслуживания — словом, вообще ничего, кроме пресловутой «первой заповеди»: «Хлеб — государству».

За последние десятилетия наши родные парии начали шаг за шагом приближаться к шудрам. Некоторых просто переименовали из одних в другие. Иные стали неотличимыми явочным порядком. А иные, через псевдоколхозные рынки обирая шудров, пробрались даже в ряды вайшиев. Но молодежь в парии не заманишь ни за какие деньги. Единственная надежда: при грядущей комплексной механизации сельского хозяйства фермеров-крестьян понадобится не так уж много. Передовой рубеж, достигнутый на данном фронте мирового научно-технического прогресса,— два с небольшим процента всех работников, впереди, лет через десять — пятнадцать — менее одного процента.

У нас до этого вряд ли дойдет, но и пять — десять процентов вместо существующих двадцати вместе с рабочими совхозов — тоже в какой-то мере решение проблемы. Особенно если эти проценты держать на положении не париев, а, так сказать, агробрахманов (не по названию, конечно, а по условиям труда и быта).

Приглядимся теперь повнимательнее, каким образом попадают в обер-кшатрии и каким образом удерживаются там (с обер-брахманами история посложнее, но без принципиальной разницы).

Эта история началась более двух третей века назад, в 1922 году, когда началась грызня за личную власть. И пока один из претендентов без перерыва вещал со страниц печати и с разных трибун, другой втихомолку расставлял на ключевые посты «своих» людей, лично, по-собачьи, преданных ему. Те, в свою очередь, подбирали таких же «своих» людей, и так далее до последнего управдома. Понадобилось не более пяти лет, чтобы «пирамида» была достроена до конца. И родился политический строй, который называется по-разному: тоталитаризм, административно-командная система, бюрократический централизм и т. п. Но суть одна: наверху обер-диктатор, под ним лестницей — ведомственные и местные унтер-диктаторы мал мала меньше, под ними — объекты диктатуры этого «пролетариата», то есть прочее население.

Считается, что руководителей избирают или, по крайней мере, коллегиально назначают. Но это лицемерная ложь. На деле до самых недавних пор их «подбирали», то есть фактически кооптировали или назначали по разумению стоящего выше начальника.

А увольнение! Попробуйте-ка уволить любого рабочего или простого служащего, не говоря уже о так называемых деятелях науки и искусства! Хлопот не оберешься, и инфаркт увольняющему гарантирован, каким бы бездельником ни был увольняемый. А уволить любого унтер- или даже обер-диктатора (кроме, конечно, самого высшего) — раз плюнуть. Миг единый — и человек без дальних объяснений выкатывается из служебной «Волги» — в трамвай, из зоны «спецобслуживания» — в очередь за картошкой, а то и в зону подальше. Страшновато!

По каким критериям прежде всего «подбирали» начальство долгими десятилетиями? Почти исключительно — по личной преданности и готовности выполнить л ю б о е указание, не рассуждая. А по каким критериям вышвыривали! Почти исключительно — по строптивости, по стремлению самому принимать решения да еще самому подумать, прежде чем решить.

Долгие десятилетия подобной селекции вывели особую породу людей, коими мы сплошь и рядом любуемся по сей день. Людей, готовых руководить чем угодно — от роддома до крематория и от театра до тюрьмы, лишь бы держаться на поверхности. Людей, совершенно бездумно выполняющих любые приказания — от расстрела безвинных до посадки кукурузы на Северном полюсе, от поворота любых рек в любую сторону до заполнения их гниющим «топляком», лишь бы вовремя бравурнее отчитаться и пересесть в кресло повыше, а там хоть трава не расти. И в то же время людей, абсолютно беспомощных при возникновении мало-мальски сложной ситуации, требующей не механического исполнения, а хоть небольшого раздумья.

Вот эта сила сцепления подобного рода личностей, связанных воедино мертвым узлом круговой поруки, и придает поразительную живучесть, казалось бы, совершенно нежизнеспособному политическому строю, позволяет реализовать нереализуемое и консервировать заживо разлагающееся.

Кто-то усомнится: неужели человек может быть способен буквально н а в с ё, чтобы полакомиться чем-то более съедобным, нежели колбаса «для населения», или подремать в президиуме, а не в зрительном зале! Ответ, даваемый не кем-нибудь, а наукой по имени «социальная психология»: дело не в колбасе и не в президиуме, а в системе социальных потребностей личности, главнейшей из которых является потребность в самоутверждении (в уважении окружающих, чтобы уважать самого себя). И если самоутверждения легче всего достичь, стоя на голове или передвигаясь лежа на спине, будьте уверены, что начнется массовое соревнование, кто лучше болтает ногами в воздухе или шевелит ягодицами. Если самоутверждения легче всего достичь, холуйствуя перед сильным, хамя беззащитному, поливая грязью «кого надо»,— будьте уверены, расплодится тьма хамов-холуев.

И вот над такой могущественной силой нависла угроза исчезновения с политической арены. Как вы думаете, она сойдет со сцены без сопротивления, добровольно! Как бы не так! Думаете, эту силу можно подвести «под сокращение», как лаборантку или уборщицу! Как бы не так! Вон упразднили агропром с его двумя миллионами кшатриев. Сел хоть один из них на трактор, стал парием или шудрой! Как бы не так! Вон сколько тысяч кшатриев сократили из партгосаппарата, а заполнились ли ими искусственные вакансии в промышленности или сельском хозяйстве! Как бы не так!

Кшатриям тем легче сохранять свои позиции, что граждане нашей страны долгими десятилетиями низведены до состояния шудров и париев, то бишь обывателей, легко сгибаемых в бараний рог любым пришибеевым, тем более что брахманы поглощены самоутверждением, а вайшии теневой экономики занимаются тем же на свой лад.

И все же эта сила расписывается в своем бессилии.

Пожалуй, ярче всего такое бессилие проявилось во время июльской забастовки шахтеров: позорная беспомощность, полнейшая недееспособность всех властей предержащих — и ведомственных, и местных, с одной стороны, и обыкновенное чудо — с другой: забастовщики мимоходом быстро и оптимально решили социальные проблемы, над которыми десятилетиями тщетно билось официальное начальство. В городах, где проходили забастовки, резко пошла вниз кривая преступности, а уличная преступность исчезла совсем. Без лишних разговоров были опечатаны винные магазины, и сгинуло зримое пьянство.

Поневоле думается: может быть, возложить на шахтеров наведение общественного порядка и решение социальных проблем, а кшатриев местного и министерского значения спустить под землю рубать уголек! Но забастовка, не секрет, слишком большая пушка, чтобы стрелять из нее по экономическим, социальным и политическим проблемам страны.

А нельзя ли решать наболевшие проблемы к а к п р и з а б а с т о в к е, н о б е з з а б а с т о в к и!

На наш взгляд, не только можно, но и нужно. Собственно, к этому и идет.

О путях выхода из кризиса

До недавнего времени — а во многом и по сю пору — мы безуспешно боролись с бюрократизмом привычными, бюрократическими методами. Бездыханно вот уже который год сельское хозяйство — и навешиваем на полдюжины министерств-надсмотрщиков еще одного генерал-надсмотрщика — агропром. На глазах становится допотопным машиностроение — навешиваем на орду машиностроительных министерств еще одно — Бюро по машиностроению. Проблемная социальная ситуация грозит перерасти в катастрофическую — затыкаем ее пластырем: создаем Бюро по социальному развитию. Молодежь ополчается на нас своей «контркультурой», а мы на нее в контратаку — Закон о молодежи. Чуть какая неприятность — мы ее комиссией и... «Ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа».

Результаты не радуют. И не могут радовать. Потому что политика — не гомеопатия, где «подобное лечится подобным». Это скорее хирургия, где пораженный гибельной для организма гангреной орган напрочь отрезается и выбрасывается на свалку истории, а сердце пересаживается новое, работающее. Тут колебания, паллиативы, половинчатые решения, танцы «шаг вперед — два назад» смерти подобны.

Собственно, начало положено. Объявлено, что Съезд народных депутатов СССР, выражая волю народа, принимает на себя всю полноту высшей государственной власти в стране. Правда, это пока всего лишь, так сказать, заявка на будущее, поскольку общеизвестно, что реальная власть в стране принадлежит пока что совсем другим органам, на кои недвусмысленно указывает статья 6 действующей Конституции СССР, говорящая о «руководящей и направляющей роли КПСС». Конечно, статья вопиющая с точки зрения государственного права и науки политологии (ибо, если это так, то к чему выборы и о чем разговаривать в Советах!), но, в общем, соответствующая действительности. Достаточно сопоставить политическую роль аппарата ЦК КПСС и всех 2250 народных депутатов СССР, аппарата обкома или райкома и соответствующего Совета народных депутатов, чтобы сомнений на сей счет не оставалось.

Но начало положено, и теперь все зависит от продолжения.

Состоятся действительно демократические выборы, будут созданы работоспособные комиссии и комитеты Советов, вынесут эти комиссии и комитеты на пленумы Советов действительно конструктивные предложения, выполнение которых можно проконтролировать,— перестройка состоится в отпущенные нам историей очень немногие годы: конец 80 — начало 90-х, не более того. Иначе, вопреки Гоголю, не другие народы и государства будут, косясь, постораниваться и давать нам дорогу, а совсем наоборот.

Не хотелось бы предвосхищать повестку дня всех до единого комитетов и комиссий Советов народных депутатов на районном, областном, республиканском и общесоюзном уровнях, но нельзя не остановиться на некоторых общих проблемах, связанных с выходом из настоящего кризисного состояния.

П р о б л е м а 1 (и по логике, и по значению): самофинансирование, самоокупаемость, самоуправление производственных предприятий.

Выяснилось с достаточной очевидностью, что пока все это — слова, слова, слова. Дела, дела, дела начнутся лишь после того, как каждое предприятие станет подчиняться только государственным законам и никому более. Когда работники предприятия почувствуют себя сохозяевами не риторически, а натурально, как любые кооператоры, с рачительным отношением к совместному, пусть арендованному или акционерному, достоянию, с умножением прибыли для последующего разделения меж собою положенной части ее и т. д. Когда любое объединение предприятий станет рационально-добровольным, а не бюрократически-принудительным.

Все это, вместе взятое, составляющее экономическую сторону пе-

рестройки, как теперь более чем очевидно, невозможно претворить в жизнь без оптимального решения политических проблем.

Проблема 2: дебюрократизация управления делами производства и общества.

Как показывает горький опыт, механические сокращения аппарата управления мало что дают. Если даже оставить из 18 миллионов управленцев всего одного чиновника — он тут же станет с утра до вечера давать ЦУ, требовать отчетности и вновь приведет в состояние прострации остальные 130 миллионов работников.

Выход подсказала сама жизнь: раз управленцы демагогически объявляют себя «слугами народа», надо пустую демагогию превратить в суровую реальность — слуги так слуги. Слуг нанимают, сколько их надо, и платят им столько, сколько они заслуживают, по усмотрению хозяев-работодателей и конечно же в соответствии с законами. Иными словами, производственные министерства и госкомитеты — от промышленных до здравоохранения и народного образования — превращаются из командующих бюрократических инстанций в координирующие органы, обслуживающие предприятия и содержащиеся за их счет, а потому полностью подотчетные им.

Проблема 3: стабилизация семьи на уровне среднедетной (два-три ребенка) и там, где еще по инерции продолжается «демографический взрыв» с удвоением населения каждые 20—30 лет из-за преобладания многодетных семей, и там, где начинается депопуляция, выморочность из-за скатывания к однодетной в среднем семье.

Поторопиться с решением этой проблемы заставляет не только критическая в данном отношении ситуация, грозящая перерасти в катастрофическую, но и следствия решения проблемы 1, поскольку повышение эффективности производства неизбежно приведет к высвобождению миллионов занятых ныне рабочих мест. И если вовремя не создать работающим матерям надлежащие условия для оптимального совмещения ролей матери — хозяйки дома и участницы общественного производства, то экономика страны окажется ввергнутой в хаос.

Вдумаемся: ныне гуманного отношения к женщине потребовал не гуманизм, а экономика. Первыми это поняли забастовщики, включившие в число своих требований положения о трехлетнем декретном отпуске для женщин после родов.

Не забудем и то, что в развале семьи следует искать один из социальных корней преступности, так как из «черной дыры» миллионов так называемых неблагополучных семей и вакханалии разводов ежегодно появляются сотни тысяч кандидатов преступных наук. И это заставляет поторопиться с решением социальных проблем семьи.

Проблема 4: сдвижение с мертвой точки образовательной реформы, предрешенной 15 лет назад, «решенной» шесть лет назад, подстегнутой год назад, но... не двигающейся с места.

Система народного образования, ставшая полностью анахроничной, словно в кошмарном сне, выпускает ежегодно миллионы не тех граждан общества и не тех работников производства, какие нужны обществу и производству, обрекая при этом на бессмысленные многолетние мучения десятки миллионов учащихся и их родителей.

Как преобразовать образование — предложено несколько вариантов. Пора остановиться на каком-то определенном и начинать перестройку этого общественного института. Тоже поторапливаясь, потому что в своем нынешнем безумном виде школа, можно сказать,— еще один социальный корень растущей преступности лезущих на стенку от личной безысходности и безделья великовозрастных «младенцев».

Проблема 5: физическое, психическое и нравственное здоровье человека и общества в их единстве с природой, оказавшееся под угрозой из-за точно такой же анахроничной системы учреждений культуры и здравоохранения, чудовищной урбанизации (помните ленинское: «противоестественное скопление гигантских масс в больших городах»!) и деградации деревень, катастрофически прогрессирующего загрязнения окружающей природной среды.

Здесь впору объявлять чрезвычайное положение и своего рода «комендантский час», чтобы быстро изменить критическую ситуацию.

Проблема 6: преступность, которая растет в таких масштабах и такими темпами, что начинают поговаривать об «уголовном терроре», а то и об «уголовно-гражданской войне».

Даже если эти словосочетания считать риторическими преувеличениями, все равно ясно, что дело зашло столь далеко, что обычными методами восстановить общественный порядок вряд ли возможно. На войне как на войне. Нужны генштаб, разведка и контрразведка, стратегия, оперативное искусство, тактика, вооруженные силы (милиция в ее настоящем виде к таковым не относится), народное ополчение — гражданская гвардия (на смену миллионам псевдопатрульных женщин с хозяйственными сумками в руках, дискредитирующих идею добровольных народных дружин), наконец, соответствующая общественная атмосфера, к созданию которой пока еще не приступали, хотя с этого-то и надо начинать.

Заметим, что преступности нам не одолеть ни при каких условиях, пока будет продолжаться развал семьи, пока сохранятся в их настоящем виде молодежные проблемы, пока будет существовать мощнейшая теневая экономика (см. проблему 1) и пока будет идти нынешними темпами и в нынешних масштабах алкоголизация общества.

Следовательно, должна быть решена

Проблема 7: дезалкоголизация и недопущение наркотизации общества.

Попытка кавалерийской атаки на пьянство и алкоголизм кончилась, как и следовало ожидать, провалом, но проблема осталась, и если ее не решить в обозримом будущем, произойдет катастрофа хуже СПИДа.

Выработаны дальнейшие научные рекомендации, что и как делать, чтобы приостановить алкоголизацию народа и не допустить «интервенции наркотиков» в нашу страну. Дело за тем, чтобы начать претворять эти рекомендации в дела — без авантюр и унижений человеческого достоинства.

Перечень проблем, требующих безотлагательного решения, нетрудно продолжить, но в социальном плане (а есть еще научно-технический, экономический, политический и др.) здесь, на наш взгляд, представлены главные, основные.

* * *

Автор знаменитой «Утопии» Томас Мор горько сокрушался по поводу того, сколь много бездельников тунеядствовало в современном ему английском обществе, то есть пятьсот лет назад. К ним он причислял почти всех женщин, священников и монахов, богачей, дворян и их челядь, солдат и нищих. Словом, заключал он, «тех, чьим трудом держится все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше», чем требуется, да притом «сколь немногие изо всех них озабочены необходимыми ремеслами». Великий английский утопист сконструировал идеальное общество, во многих отношениях очень близкое к тому, в котором мы жили более полусотни лет, да, пожалуй, живем и сегодня.

Томас Мор не подозревал, что, если даже загнать в общественное производство всех до одной женщины, напрочь истребить дворян и их челядь, свести к мизерной величине число монахов и нищих, количество тунеядцев в государстве реализованной утопии возрастет до величины, в несколько раз превышающей все население Англии полтысячелетия назад. А если остальные начнут трудиться под надзором строгих надсмотрщиков, которых Т. Мор именовал сифогрантами, то результаты их труда окажутся такими, что лучше бы уж они бастовали или тунеядствовали в открытую.

Теперь задача сводится к прямо противоположной той, что выполнил Т. Мор: как от реализованной утопии перейти к реалии, где эффективность производства определялась бы не числом работающих (хотя тунеядство было и осталось предосудительным), а их трудовой отдачей.

Собственно, к этому и сводится суть задуманной перестройки, вокруг которой развертывается столь ожесточенная политическая борьба.

Владимир Война

СТРЕЛОЧНИК ВИНОВАТ!

ЛЮДИ, ЧТО КРЕПЧЕ БЕТОНА

Люблю допытываться у друзей, побывавших за рубежом, что их более всего поразило. Ответы бывают самые неожиданные! Рассказ, который я воспроизведу ниже, я услышал два десятилетия назад, но случай тот, особенно поучительный, врезался в память крепко, на всю жизнь. Итак, мой коллега, съездивший в Финляндию, поведал:

— Да, финны строят замечательно, мы насмотрелись во! Но в одном новом микрорайоне нам показали — и, думаю, не случайно — дом с историей невероятной: не успели его сдать в эксплуатацию, как предательски поползла трещина. От земли до крыши! Прибыл архитектор, руководивший строительством. Поднялся на крышу, посмотрел... И прыгнул вниз головой. Представляешь?!

Представить было трудно. Но если подумать, то что ожидало его — изгнание из профессиональной среды, позор на всю жизнь? И как жить без любимого дела? Выплачивать по суду убыток еще не так страшно, даже отсидеть за решеткой не самое худое, лишь бы потом вернуться к «своим», но путь туда был отныне четко заказан, так зачем тогда жить... Жестоко? Но лучше ли наш наплевизм, отсутствие этических критериев — профессиональных («цеховых») в первую очередь, заставляющих бояться «суда чести»?

А в России, рассказывают, при приемке нового железнодорожного моста, когда шел по нему первый состав, оставляли под ним руководителя строительства, архитектора-мостовика. Уж если суждено постройке обвалиться, тот должен был ответить за это головой. Не потому ли и мосты воздвигались на века?

Да, не хватило бы голов сегодня, кабы пришла пора держать ответ за халтурно склеенные дома и мосты, за сделанные тяп-ляп пути!

На работу из дома я еду по Фрунзенской линии метро и вижу несколько лет подряд одну и ту же картину из окна вагона: состав тихо огибает по пристроенным сбоку путям прежний двухэтажный метромост, соединивший 32 года назад берега Москвы-реки. Ныне он разваливается. В Риме я видел мосты, продолжающие служить и через два тысячелетия; наш, возведенный в 1957 году, к открытию фестиваля молодежи и студентов, не прослужил даже трети века. Из картона его строили, что ли?

Да, примерно так. Очень тогда спешили! Это же наше, расейское: тянуть до последнего, потом лихорадка, авралы... Бетон застывал медленнее, чем позволяли сроки, вот и решили схитрить, лишь бы в сроки эти уложиться: цемент применили не тот и не так, хотя четко знали, чем дело должно кончиться. Однако не боялись, ведь старинный обычай давно забыт... Головы эти целы и поныне.

Наш курс в институте ходил тогда на субботники, мы помогали строить метромост, убирали носилками мусор, гордились, что тоже причастны, что наше детище украсит столицу... Да, теперь люди живут дольше мостов. Неужели теперь все — одноразового пользования?

А ведь мог тогда архитектор и не халтурить. Сказал бы: хоть бейте, хоть режьте — не дам, и все! Но так могло произойти в Финляндии. Или в старой России. В любом цивилизованном месте, где действуют понятия чести и совести, где стыдно за плохо выполненную работу. А что у нас?

Эксперты говорят, что такое землетрясение, какое случилось в Армении, не есть, увы, что-то экстраординарное — если судить по числу баллов, по шкале Рихтера. И в других странах при тех же баллах всегда все происходит иначе, жертв либо мало, либо их нет совсем. Практически все жертвы природной катастрофы в Армении погибли не потому, что стала дрожать земля, нет, их погубила халтурная работа строителей. Дома рушились, как карточные домики, ведь блоки почти не были скреплены, цемент наверняка своровали, или не довезли, или то и другое, делалось все, как говорится, на живую нитку, методом «не бей лежачего»...

Еще никогда ни одна цивилизация так не издевалась над священным понятием «труд»! Эта раковая опухоль отравила общественный организм в каждой республике, в каждом городе, стала национальной болезнью в многонациональной стране: кради на работе все подряд, плюй на порученное дело, спихни его на кого-нибудь, замаринуй, соври, сделай большие глаза: разве?!! Все равно отвечать не придется, забудут, спишут, а то найдут козла отпущения — сцепщика вагонов, смазчика, того, кто флажком размахивал...

В Армении, по существу, произошло рукотворное массовое человекоубийство. Кто за него ответит?

Началось все не с Чернобыля ли? Или о прежних катастрофах мы попросту не знали? Но — пошло-поехало. Как нынче часто и трагично сталкиваются поезда, и суда, и самолеты бьются, и рвутся на дорогах смертоносные грузы, и вылезают волосы у детишек целого города, и происходят массовые отравления, а скопившиеся газы превращаются в пороховую бочку... Страшный перечень можно было бы составить, да стоит ли, у всех и так в памяти печальный реестр тех катастроф. Нет, не природа в них повинна, а наша безалаберность, наше разгильдяйство. Машины мы создали, способные выйти из повиновения человека, технику построили опасную, способную трагически повлиять на судьбы миллионов людей, на судьбы — как в Чернобыле — всего человечества, да все никак не научимся ею управлять ответственно. Хотя Иванушка-

дурачок, перелезший с самодвижущейся печи на ядерный реактор или вооруженный не только остро наточенной саперной лопатой, но и ракетами, таких дел может натворить!

УРОКИ ЦЕМЕССКОЙ БУХТЫ...

За столкновение двух судов в Цемесской бухте ответили двое. Два капитана — не смазчики поди. Но нашелся и третий капитан, не побоявшийся рассказать со страниц «Известий» о том, о чем думал весь торговый флот, да помалкивал: что подлинные виновники катастрофы — Морфлот и заведенные им порядки, включая систему распределения ответственности. При ней у капитанов прав не больше, чем у стрелочника, а вину сваливают именно на них.

Нет, я не берусь судить о степени вины каких-то конкретно лиц. Но что, если оба капитана действовали по инструкции, если оба не решились ее нарушить? Море не терпит вольностей, к тому же невыполнение инструкции грозило карой...

А вспомнил я ту историю как модель ситуации, когда вина замыкается на самом низу. За рубежом в ситуациях национальной катастрофы нередко следует правительственный кризис, происходит подчас смена кабинета или хотя бы отставка министра, а у нас? Да, назначается правительственная комиссия... И что же? Как правило, ничего! Я сейчас толкую не столько о Цемесе, сколько обо всех остальных кризисах, включая волнения, массовые убийства на национальной почве, действия войск в Грузии и милиции — в Минске... Ведь это же четко прослеживаемая тенденция — спихивать вину за все как можно ниже, вплоть до бессловесного Акакия Акакиевича, а не брать на себя грехи своего подчиненного каждому ответственному лицу, все выше и выше, вплоть до самого верха, где принимаются главные решения, повлекшие за собой катастрофу. Вот каким бы должен быть закон управленческого аппарата! Чем выше ступень, тем серьезнее и больше ответственность, разве должно быть не так? Руководитель сам подобрал и расставил «своих» людей, он получал медали за их достижения, присваивал порой себе (и в этом тоже есть логика!) их лучшие идеи, выдавал за собственное творчество и красовался вместо них в свете юпитеров, но если случился какой-то чудовищный промах, повлекший множество жертв, разве не должен он теперь мужественно и безропотно взять на себя грехи тех, кому доверил дело, на кого возложил ответственность? Как капитан сходит с судна последним, а то и не сходит совсем, гибнет, дабы смыть с себя позор и вину за катастрофу, так крупный руководитель должен делать нечто сходное — первым, не дожидаясь, когда его к тому принудят. А именно — уйти со сцены, выйти в отставку, взяв тем самым вину на себя, принеся себя в жертву. Так полагается поступать в цивилизованном мире. И страх перед позором заставляет так крутиться!

...И ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО РЕКОРДА

Чернобыль тоже стал поводом для судебного разбирательства. Считается, что виновные ответили. Так ли это?

Мало кто обратил внимание на заметку в «Известиях», иллюстрированную парой фотографий с Чернобыльской АЭС; этот материал был опубликован в январе, всего за три с чем-то месяца перед катастрофой.

Текст репортажа читался в мае совсем не так, как зимой. Он обрел зловещий смысл, он нечаянно рассказывал, раскрывал, кто и что погубило целые области на Украине и в Белоруссии и напугало весь мир, поставило миллионы людей под смертельную угрозу.

Из заметки следовало, что Чернобыльская АЭС вышла на первое место в соцсоревновании, она — самая передовая по стране среди всех атомных станций. Критерием для сравнений тут было одно: себестоимость электроэнергии, добытой с помощью ядерной реакции. Как можно снизить этот показатель — до предела, до минимума? Только одним способом — интенсифицируя до предела, до максимума работу ядра. Газета рассказывала, что послужило причиной успеха: презрев привычные нормы и расчеты, чернобыльцы отказались от очередного профилактического ремонта, требующего охлаждение реактора; они эксплуатировали его под завязку, на всю катушку; они выжимали из него все, что можно и что нельзя... Так и стали победителями, установили всесоюзный (может, и мировой?) рекорд, посрамив скептиков... А к майским праздникам (у нас это — мистический повод для установления повышенных обязательств, гарантирующих начальству ордена, премии, славу, скачок наверх) готовилось что-то и еще более удивительное и невероятное: АЭС должна была еще кого-то в чем-то обогнать, перегнать, что-то установить; иными словами, то, что произошло в конце апреля, планировалось и афишировалось еще зимой. Заметка вызывает сейчас содрогание: неужто не понимал никто, во что может вылиться эта игра с огнем? Неужто никто даже на минуту не задумался, сколько будут стоить эти рывки в погоне за наградами и премиями. (Кстати сказать, западные предприниматели порой идут на аморальные или даже криминальные акции в погоне за сверхприбылью, там выигрыш исчисляется в случае успеха нередко в миллионах или миллиардах, в завоеванных рынках, а наши-то за что подвергают нас всех истязаниям, радиации или отравлению «большой химией», за пшик какой-то, латунные медальки, за «переходящее красное знамя», которое потом перейдет еще к кому-то, за диплом первой степени на кусочке картона, за сотрясание воздуха?)

Дорого далась нам та гонка в Чернобыле. Но неужели темпы и цели в ней задавал лишь директор АЭС? Вот во что никогда не поверю! Нет, тут кабинетные игры шли по куда более крупному счету, тут командовали люди куда покрупнее, москвичи и киевляне — те, что решили посрамить ученых и их заниженные расчеты, «волевые» руководители, профессионалы, высокие чины партийно-правительственного аппарата. Разумеется, люди некомпетентные, ничего не смыслящие в ядерной энергетике, как и в любом другом конкретном, практическом деле, требующем специальных знаний. Да зачем им, однако, знания, лишь смущающие умы, мешающие выжимать из камня воду мощным усилием кисти? Вся их работа выливается, во-первых, в понукание («Давай-давай!» — такое родное, такая непереводимая игра слов...), а во-вторых, в снятие, за чужой счет, урожая премий, званий, наград. Но что же им еще делать, как оправдать свое существование, за что им вообще платят? Вот они и придумывают, морща чугунные лбы, новые названия городам и улицам, решают, какой храм или дворец снести с лица земли к юбилею, какой аврал устроить к празднику, какой объявить «трудовой почин», кого выбрать в новые Стахановы (Гагановы) и как поделить «переходящие знамена» с сопутствующим дождем премий — и кого-то низложить, затоптать, растерзать... Академика Сахарова? Своих-то не трогают, проворовался — найдем новое место, еще лучше!

Чернобыль устроили понукальщики. Мне не нужно это доказывать,

сомневающихся я просто прошу заглянуть в подшивку старых газет за январь, яснее не скажешь. Но их не коснулась ни рука правосудия, ни даже хлесткое слово публициста, они благоденствуют... а директор АЭС за них сидит.

Разве он не виноват, спросит читатель. Почему же, виноват наверняка. Но он же — стрелочник, вот в чем дело!

ЧТО ТАКОЕ «ОТВЕТСТВЕННЫЙ РАБОТНИК»

Сейчас, правда, мы называем эту категорию лиц иначе: номенклатура. А еще совсем недавно они именовались понятнее и проще — «ответработники».

В чем же выражалась их ответственность, почему их так назвали? В силу странного парадокса, обыгранного в романе Джорджа Оруэлла «1984» («Война это мир», «Свобода это рабство»), тут все происходило тоже наоборот. Ответственные — это те, кто не несет ровным счетом никакой ответственности, кто может и не давать ответа.

Недаром же у нас гражданин не может подать в суд на должностное лицо, чтобы добиться от него ответа. То есть может теоретически, но только на такое лицо, которое принимает решения в личном, индивидуальном порядке. Беда, однако, в том, что наше общество коллективистское, где всякое «я» стирается, где всегда предпочтительнее местоимение «мы» (на эту тему — другой роман, Евгения Замятина, «Мы») и практически любое решение принимается коллегиально. Значит, неподсудно и практически любое решение, коль оно имеет автором целую коллегию.

Принимаем — все вместе, отвечает кто? Правильно, никто. А кстати, кто же автор этого кафкианского закона, принятого, между прочим, уже в пору гласности и перестройки? Правильно, автор неизвестен, хотя закон этот ругает любой юрист, любой пишущий на правовые темы журналист, любой депутат... А закон — действует! Точнее, гарантирует бездействие закона.

Такие, значит, парадоксы. Безответственные ответственные работники сочиняют законы, под которыми нет подписей и которые создают гарантии, что и впредь никто и ни за что отвечать не будет. Ведь коллегия неуловима, неуязвима, ее под суд не отдашь и с работы не снимешь, на пенсию — с формулировкой «не справилась с работой» — не выгонишь, она всегда выйдет сухой из воды — вся целиком и каждая часть ее.

А конкретный виновник? Его — торжественно — на новое место. С повышением. Если он сильно завалил дело на прежнем, то с особым повышением. Чем хуже дела, тем больше власти просит тот, кто их завалил, мотивируя просто: как же я могу поднять хозяйство, если мне не дали власти... И власть дают, тем большую, чем полнее завал!

В нормальном обществе должностные лица ходят, как говорится, под богом. Они попросту боятся — средств массовой информации, парламентского запроса, скандального разоблачения, которое может закончиться судом, приговором, тюрьмой... Бюрократ, несущий ответственность перед обществом, хорошо работает, он хороший бюрократ, он профессионал, без которого нет системы управления, налаженной машины, выполняющей приказания, которые поступают с капитанского мостика. Оды надо петь хорошим бюрократам!

Мы сегодня слышим хорошие указания с капитанского мостика. Мы им верим, надеемся на них. Но почему же им не следуют наши доморощенные бюрократы? Как смеют они принимать законы, противоречащие этим хорошим указаниям? Или не выполнять законы вообще?

Очевидно, в каком-то случае бюрократы плохи потому, что непрофессиональны, или потому, что хромают их личные качества, что-то еще. Но главная причина в другом. Они, повторю еще раз, не несут ответственности перед обществом. Они потому и не выходят, подобно своим коллегам в других странах мира, в отставку — самостоятельно и добровольно, не дожидаясь, пока их выгонят принудительно и с треском. И не случайно наши газеты нынче заговорили о самом этом обычае, об институте отставки: хороший ведь это был бы и у нас способ очищения от тех, кто оболгался, проворовался, зарвался, кто ни шиша в порученном деле не понимает и только может с умным видом надувать щеки, читать по бумажке, по ней же давать маловразумительные ответы на вопросы, а «от себя» изрекать лишь банальности, состоящие из двадцати незначимых общих слов.

Но нет, увы, во многих случаях те же люди, что подвели страну к самому краю, к обрыву, катастрофе, на заседаниях нашего парламента вновь получают министерские назначения, а депутаты им дают еще при этом мудрые напутствия: как будто эти люди способны перепрыгнуть через самих себя, сотворить чудо! Ведь ясно же, что чуда не будет, так?

ТЫСЯЧИ ВОПРОСОВ

Ну, подумать только: столько провалов, ошибок, головотяпства, и хоть бы кто в самом деле хоть раз понес наказание. Если уж не хватает силы воли застрелиться, прыгнуть вниз головой с халтурно выстроенного дома, то хотя бы лишали премий и наград, званий, привилегий...

Кто ответил за тысячи самовозгорающихся телевизоров? Или за данные людям гарантии предоставления жилья, которые оказались липой? За сгнившие на плодоовощной базе фрукты и овощи? За великие реки, полные цветущей непроточной водой, отравленной и негодной для питья, для купанья, для нормальной жизни вообще? Кто принимал решения превратить нашу страну в свалку для радиоактивных отходов из стран Запада? Тысячи, тысячи вопросов.

Создав совершенно безответственное общество, мы ведь не смогли ограничить болезнь самыми верхними его этажами, теми, на которых принимаются решения. Пошла эпидемия, цепная реакция, она заразила, растлила всех. И маленькие, крошечные «чернобыли» происходят ежеминутно и ежесекундно. Не приходят в положенное время поезда и не прилетают самолеты (и не улетают — то нет топлива, то еще чего), не выдают в обещанный час выстиранное белье и не шьют ко дню костюм, журнал «Огонек» доставляют на пятый день (это в Москве-то, где от типографии до моего дома расстояние измеряется в километрах!), а письма идут столько, сколько того пожелает почта. Недавно ко мне пришло приглашение на свадьбу, посланное родными из Винницкой области за полторы недели до события; получил я его спустя две недели, уже после свадьбы — и кто же за это ответит? И очередь за пивом на четыре часа (так было в моем Никулине в День Конституции), и невыданный сахар по майскому талону, хотя я был этот месяц в отлучке, лишился пайка ни за что ни про что, и миллионы больших, малых и совсем крошечных обид, оскорблений, унижений достоинства, о каждом из которых все равно не напишешь, но которые все вместе просто чудовищны и берут начало из того же источника — нашей потрясающей системы безответственности, при которой никто и ни за что не

хочет ответить головой. И потому ни в ком уже нет веры, что что-то всерьез изменится.

Мне ненавистны рассуждения обывателя о том, что-де как славно жилось при «твердой руке вождя» и как плохо, что нынче «нет жесткой дисциплины» (палочной, жестокой, казарменной на самом деле). Но разве не правы люди, переживающие из-за полного отсутствия порядка в нашем отечестве, из-за того, что никто теперь ничего не боится, хотя бы даже лишиться работы, утратить доброе имя... (Кстати говоря, если уж речь об имени и чести, после 1945 года Германию очищали от нацизма, она прошла процесс денацификации, тысячи виновных понесли уголовное наказание, их отстранили от дел, они заплатили за преступления режима, а что же мы, так и не дождемся десталинизации, своего очищения, своей расплаты, так и позволим палачам въехать в рай?) Такие мы, значит, добренькие. Так что-нибудь когда-нибудь сможет «власть употребить»? Раньше нам все портили Сталин с Берией, потом Брежнев, а с кого спросить сейчас? Все правы, нет виноватых?

Вопросы, вопросы. Почему никто никогда не пострадал за фокусы с «вымыванием» (вот подлый эвфемизм!) товаров, с введением карточек (или, простите, талонов, еще один лицемерный эвфемизм), которые лишь усиливают спекуляцию, подрывают нормальную торговлю?

Почему не обнародованы имена тех, кто придумал манипуляции с подпиской, удушение «перестроечной» прессы и поощрение той, что ей противостоит?

Почему может быть так, что весь Советский Союз протестует против акта вандализма в Киеве, совершенного в 1982 году, когда местные деятели разрушили «Стену Памяти», залили бетоном лучшее произведение скульпторов Ады Рыбачук и Владимира Мельниченко, а виновники преступления и в ус не дуют?

Когда накажут виновных в том, что демонстрация в Минске подверглась удушению ядовитым газом, что демонстрация в Тбилиси была разогнана ипритной «Черемухой»?..

Когда система безответственности так сильно, как у нас, пронизала все общество, это страшно. Когда ведущие роли в управлении обществом играют бывшие рабы, еще недавно слепо повиновавшиеся «хозяину», а ныне рассуждающие о демократии, то это еще страшнее. Они даже не понимают, что нужно же за что-то отвечать.

Ну а если эти бывшие рабы, пережившие свирепейшую из диктатур, не успели воспитать в себе собственную систему «сдержек и противовесов», политической культуры, навыков парламентаризма и потому в душе мечтают вновь о палке и окрике, и незнакомы с понятиями самодисциплины, самоуправления, самостоятельности, не знают, что такое власть честного слова и пунктуальность, скрупулезность, ответственность в деле и в проведении, чего ждать тогда?

Лишь одного: что все останется как было. И мы будем вновь дружно кричать, когда особенно накипит: «Стрелочник виноват!» После чего сразу на душе будет легчать. Ведь это наше, российское. Как «Злоумышленник» Чехова. Как привычка хлебать щи лаптями. Как прочие идиотизмы жизни, как всякая иная непереводимая игра слов. Тот же стрелочник: в других странах, у других народов он ведь ни в чем не виноват, только мы сделали его тем, что англичане и американцы называют «мальчиком для битья». И висит он, наподобие «груши» для боксеров, над всей нашей страной, и каждый может подойти к нему и ударить кулаком: а вот тебе, негодный, и за то, и за это, за все наши нехватки, горести, обиды, провалы, унижения... Глядишь, и отвели душу.

Август 1989 г.

Виктор Переведенцев

ГДЕ ЧЕЛОВЕКУ ЖИТЬ?

Большинству людей приходится решать этот вопрос неоднократно, многим — в самые юные годы. Остаться ли в деревне или перебраться в город, жить в этом городе или в том, отправиться туда, куда тебя распределили как молодого специалиста,— или попытаться закрепиться там, где учился, «покочевать» по стране и миру или упорно держаться одного места.

Согласно проведенной в 1979 году переписи населения, в среднем из каждой сотни жителей СССР 47 проживали не там, где родились. Среди горожан таковых было 57 на сотню.

Однако эти цифры еще не дают достаточного представления о миграции нашего населения. По моим расчетам, среднестатистический советский человек за свою, опять же среднестатистическую семидесятилетнюю жизнь переселяется, при нынешней подвижности, 6 раз, при этом 4 — в возрасте от пятнадцати до тридцати лет.

С переездами у человека связано много проблем: жилищных, трудовых и прочих. Но первая из них — сама возможность жить там, где хочется. Ведь мы до сих пор пытаемся «управлять» миграцией административными мерами, ограничивая прописку в тех или иных городах и весях.

Во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году, к которой присоединилось и наше государство, провозглашено: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства» (статья 13).

Может быть, административное регулирование миграции дает какие-то серьезные экономические или иные выгоды?

Запреты прописки начались и наиболее жестко проводились в крупнейших наших городах. Их основное назначение — сдержать рост населения этих городов, не допустить «чрезмерного» его увеличения. Удалось ли этого достигнуть, скажем, в Москве?

Еще в 1931 году на Пленуме ЦК ВКП(б) было решено, что население столицы не должно превышать 5 млн человек. Теперь в ней около 9 млн жителей, то есть на миллион с лишним больше, чем предусматривалось Генеральным планом развития Москвы в 1990 году. Почему же рост населения не удалось удержать в плановых рамках?

Обычно это связывают с наплывом так называемых лимитчиков. Запрети лимит — и численность населения перестанет расти или, во всяком случае, будет расти не так быстро. Не случайно в ходе предвыборных телевизионных теледебатов кандидатов в народные депутаты телезрители задавали им вопрос: «Как вы относитесь к лимиту?» И большинство из них, не моргнув глазом, отвечало: я — против. И только один раз прозвучала четкая формула: демографическая емкость города определяется числом рабочих мест, поэтому запреты лимита не обоснованы.

В начале 70-х годов автор этой статьи участвовал в подготовке важного документа для МГК КПСС, касающегося перспектив развития столицы. В связи с этим пришлось тщательно изучить тот самый Гене-

ральный план развития Москвы, действие которого заканчивается в 1990 году, утвержденного самыми высокими инстанциями в 1971 году. Больше всего меня поразила тогда нестыковка разделов плана. В одном — предусматривался быстрый рост числа занятых в народном хозяйстве Москвы. В другом — определялись размеры роста населения, заведомо не обеспечивающие потребности экономики. Ожидалось, что дефицит будет покрыт за счет жителей пригородов. Но, читая следующую главу, с удивлением узнал, что рост населения в пригородах предполагался всего на 10 процентов за двадцать пять лет. Лишь на окраинах области численность населения должна была возрасти по расчетам в два с половиной — три раза. Так, может быть, ожидалось, что работники будут приезжать оттуда? Тогда почему же не предусматривалось соответствующего развития транспорта?

Все это вызвало у меня тогда крайнее удивление. Мнение свое по этому поводу я высказал и устно, и письменно. Но, увы, у нас до сих пор важно не то, что сказано, а кто это сказал.

Что же получилось? Население Москвы росло примерно вдвое быстрее, чем предполагалось, население пригородного пояса росло вдвое быстрее, чем население Москвы, зато в отдаленных от Москвы районах области — вдвое медленнее. То есть все шло вопреки Генеральному плану. Не нужно быть большим специалистом, чтобы понимать, что при нынешних транспортных средствах сотни тысяч работников не могут ежедневно ездить в Москву за 80 и более километров.

По Генеральному плану в Москве намечалось сформировать семь новых больших промышленных зон. Одна из главных целей этого — сократить время поездок людей на работу. Но ведь это означало создание большого числа новых рабочих мест, что, в свою очередь, вызывало рост населения города.

Я живу возле одной из этих новых промышленных зон — Чертановской. Она начинается громадным производственным зданием, больше которого лично я нигде не видел. Это дугообразное семиэтажное строение выходит фасадом на Варшавское шоссе — по левую руку, если ехать от центра города. Вдоль этого гиганта три автобусных остановки! Сколько же тысяч человек должно работать в нем? Я не знаю, что там производят. Допускаю, что это предприятие было необходимо. Но ведь в той же промышленной зоне уже были и карбюраторный завод, и завод автотракторного электрооборудования. Неужели именно в Москве все это нужно строить?

А зачем именно в Москве строить новые обувные фабрики?

А зачем превратили столицу во всесоюзный универмаг? Ведь это тоже требует большого числа дополнительных работников.

А разве место в Москве заводам химическим, нефтеперегонным, металлургическим? Столица — это место для наукоемких, сложных производств.

И уж во всяком случае нельзя, как говорится, чтобы левая рука не знала, что делает правая. А то дело ведется так, что одни принимают решение о запрете прописки в Москве, а другие подмахивают постановления о создании в столице новых предприятий и учреждений, делающих эту прописку неизбежной.

Теперь посмотрим на некоторые последствия запрета въезда иногородних в Москву.

Не буду утверждать, что административные ограничения прописки в Москве совсем не сдерживают роста ее населения. Значительная часть людей, работающих в Москве, все-таки вынуждена жить за ее пределами.

В час пик, от семи до восьми часов утра, на Павелецкий вокзал приходит из области 16 электричек, в следующий час — еще 16. Эти 32 преимущественно двенадцативагонных состава только за два часа доставляют в Москву 50—60 тысяч человек. А ведь это лишь одна из 11 сходящихся в Москве железных дорог!

Теперь представьте себе, читатель-москвич, что к вашим обычным еженедельным расходам времени, которые вы тратите, добираясь до работы и обратно, нужно добавить еще час-другой. Что произойдет? Да весь ваш образ жизни будет сильнейшим образом деформирован. Недосып, дополнительная усталость, дефицит времени на семью и т. д. И здоровье пострадает, и производительность, и удовлетворенность жизнью. А какой же в этом выигрыш для общества и государства? Говорят, что в Москве при этом уменьшается потребность в жилье, школах, больницах... А разве в Мытищах и Подольске, Дмитрове и Загорске, Клину и Серпухове, десятках других подмосковных городов, жители которых работают в Москве, не нуждаются в квартирах, школах, магазинах и поликлиниках? Что, в области это стоит меньше, чем в столице? Скорее, наоборот: ведь большие объемы строительства удешевляют его.

Теперь возьмем другой аспект. Быстрее всего население растет в лесопарковом поясе, который называют легкими Москвы, имея в виду, что он дает столице чистый воздух (название, надо сказать, странное, ибо легкие потребляют кислород, а не производят его). Вот это экологическое значение ЛПП быстро теряет. По идее этот пояс должен быть местом кратковременного отдыха москвичей (то есть отдыха ежедневного и еженедельного). Однако рост населения и промышленности резко снижает и даже уничтожает рекреационные возможности этого пояса. С этой точки зрения сомнительно, что размещение дополнительного населения в ЛПП — лучше, чем в самой Москве.

Пойдем дальше. Последние тридцать лет Москва ежегодно росла в среднем на сто тысяч человек. Прежде всего за счет миграции. Как это могло произойти, если прописка запрещена?

Верно, вначале закрыли неорганизованный въезд в Москву, но затем были вынуждены привлекать сюда работников «организованно», разрешили лимит, провели общественные призывы (на строительство олимпийских сооружений, в Метрострой...). То есть вначале, как водится, создали трудности, а затем — стали их преодолевать. Кстати, для завоза рабочей силы тоже нужны работники.

Стали привлекать тех, кто «нужен Москве», но на особых условиях, ограничивающих их права. Те же, кто не удовлетворял «кондициям» (был, например, механизатором сельского хозяйства или имел высшее образование) или не хотел принимать навязываемые ограничения (невозможность поменять место работы, временная прописка...), стали, естественно, искать и находить обходные пути вселения. В ход пошли фиктивные браки, блат, взятки... Сколько случаев обхода установленных правил — сказать невозможно, это ведь скрывается. Несомненно, однако, что таких случаев много. Не стоит, видимо, говорить о том, что на нравы москвичей это влияет не лучшим образом. В частности, это ослабляет и без того хилую московскую семью. На два брака в Москве приходится один развод. «Вклад» фиктивных браков в это соотношение несомненен.

Далее. Формальный запрет прописки стал фактическим запретом выписки. Москвичи, которым по каким-то причинам нужно было уехать из столицы, всеми силами старались этого не делать, опасаясь, что при нужде они не смогут в нее возвратиться. А отсюда быстрое

старение населения Москвы и массовая работа специалистов не по специальности.

Из-за административного регулирования миграции в стране нет нормального «обмена веществ». Всегда ведь в цивилизованном обществе талантливая провинциальная молодежь ехала и едет в столицы за знаниями и культурой, а затем — несла их в провинцию. Теперь же уменьшен прием иногородних в столичные вузы, а тот, кому удалось в них попасть, старается закрепиться в Москве, понимая, что второго случая может и не представиться. Каждый связанный с вузами человек знает, что московского выпускника легко распределить в Мурманск, Норильск или Магадан, но почти невозможно в Свердловск, Пензу или Воронеж. Дело в том, что выезжающим на Север в Москве бронируют жилье и прописку. Думать, что все это хорошо сказывается на нашем хозяйстве и обществе,— это все равно что полагать, будто человек будет здоровее, если ему пережать кровеносные артерии.

Всякого рода отрицательные последствия, беды и невзгоды, связанные с административным регулированием миграции, можно перечислять очень долго. Думаю, что и сказанного более чем достаточно. Никаких же позитивных результатов от запретов прописки я, как и другие специалисты по миграции населения, не вижу. Нет поэтому никаких оснований утверждать, что мы нарушаем одно из главных и элементарных демократических прав человека — «право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах государства» — ради обретения каких-то экономических, социальных или политических ценностей, ибо со всех этих точек зрения нарушение свободы миграции кроме вреда ничего не приносит.

И уж совсем бессмысленны запреты миграции с демографической точки зрения. Население больших городов себя, как правило, не воспроизводит, то есть рождающихся в них детей сильно недостает для количественного замещения родительского поколения. В частности, в Москве каждая тысяча женщин за всю свою жизнь, при нынешнем уровне рождаемости, произведет на свет примерно 1600 детей, в то время как для простого воспроизводства нужно около 2200. Если бы прекратился приток молодежи в Москву, ее население стало бы быстро уменьшаться, то есть число смертей стало бы много больше числа рождений.

Через три-четыре десятилетия Москва превратилась бы в «город пенсионеров», то есть потеряла бы все свое нынешнее промышленное, научное и культурное значение.

Что произойдет, если снять все административные ограничения миграции? Очень скоро, практически мгновенно (за несколько месяцев) в крупнейших городах будут заняты все свободные ныне рабочие места. С рабочими и служащими в эти города переедет некоторое количество их иждивенцев. То есть если, скажем, говорить о Москве, то прирост ее населения вместо обычных 100 тыс. человек в год составит 200—300 тыс. (не знаю точно потребность в рабочей силе в Москве, потому говорю так неопределенно), а затем все пойдет по-прежнему — численность населения Москвы будет изменяться в зависимости от изменения числа рабочих мест. Если мы хотим, чтобы население Москвы не возрастало, то здесь не нужно строить новые заводы и фабрики, не нужно увеличивать количество рабочих мест на существующих предприятиях и т. д.

А может быть, все-таки все произойдет не так, может быть, как говорили мне некоторые ответственные работники Госплана СССР, «вся страна в Москву хлынет»? Лучший критерий истины, как известно, практика. Совсем не обязательно начинать с Москвы. В стране ведь уже два с половиной десятка городов-миллионеров. Почему бы не выбрать один или несколько типичных, «открыть» и посмотреть — что будет. И уж потом решать вопрос о том, как быть с Москвой, Ленинградом, Киевом. Такое предложение я не раз вносил еще в 60-е годы — и на научных конференциях, и в Госплане. К сожалению, безуспешно. Наверно, мне не везло — как-то не удавалось встретить высокопоставленного чиновника, который допускал бы, что кто-то в чем-то понимает больше него. Теперь иногда говорят, что в нынешних наших экономических и социальных бедах «виновата наука» — не то рекомендовала. Берусь утверждать, что рекомендации были разные, но отбирали для использования обычно худшие.

Многие считают, что Москва неудобна для жизни, потому что слишком велика. Я допускаю это, хотя серьезных доказательств не видел и не слышал. Для меня несомненно, что многое из того, от чего москвичи страдают, что их раздражает, связано не столько с размерами Москвы, сколько с недостаточным развитием ее инфраструктуры, недостатками планировки. Так, перегрузка метро, толчея на многих ее станциях в часы пик, особенно — на пересадочных, связана, несомненно, с тем, что в течение десятилетий метро строилось в расчете на пятимиллионный, а не на нынешний десятимиллионный (с гостями) мегаполис. Большие потери времени на поездки связаны, в частности, с недостаточным развитием кольцевых и хордовых магистралей, из-за чего я, например, из своего Чертанова в соседнее Ленино-Дачное должен добираться сначала на автобусе, а потом — по трем линиям метро. Прямых дорог попросту нет. Несомненная, на мой взгляд, планировочная ошибка — соседское размещение в самом центре Москвы трех крупнейших универмагов страны — ЦУМа, ГУМа и «Детского мира».

Вообще-то теперь более правильно было бы говорить не о Москве отдельно, а о громадной московской агломерации, то есть скоплении городов, поселков и сел с центром в Москве, где теперь живет более 15 млн человек. Теперь в Москве и столичной области живет более половины всего населения Центрального экономического района (двенадцать областей вокруг Москвы), в то время как в 1926 году проживала всего пятая часть населения этого района.

Впрочем, и Москва и столичная агломерация — это явления уникальные. Ни один другой город страны не имеет возможностей достичь в предвидимом будущем размеров Москвы и даже Ленинграда, который примерно вдвое меньше Москвы. Вообще демографические ресурсы роста городов резко сократились, а в ближайшем будущем сократятся еще сильнее. Перед Великой Отечественной войной переход в города страны одного процента ее сельского населения означал рост числа горожан на два процента, а теперь — только на полпроцента. Относительный естественный прирост населения страны теперь примерно вдвое меньше, чем три десятилетия назад. В самые ближайшие годы он еще раз резко сократится, так как наибольшее влияние на изменение демографической ситуации должно будет оказывать малолюдное поколение, рожденное с середины 60-х до середины 70-х годов. В этой обстановке нужно особенно позаботиться об условиях жизни новых горожан, прежде всего — о жилищных.

И в Москве, и во многих других городах я много раз слышал, что новоселы (переселенцы, мигранты) живут якобы лучше, чем коренные жители этих городов — москвичи, ленинградцы, рижане и т. д. Это прямо противоположно действительному положению дел.

Во-первых, новоселы занимают в народнохозяйственной структуре

городов худшие рабочие места, те, на которые не желают идти коренные горожане. Доля новоселов особенно велика в промышленности стройматериалов, строительстве, текстильной промышленности и т. д. Люди, приходящие в города из села, в основном могут претендовать лишь на те рабочие места, которые, скажем, во Франции занимают африканцы, в ФРГ — югославы и турки и т. д. Иначе и быть не может. Потомственные горожане имеют право первого выбора, они могут получить более престижные профессии (новоселы заполняют те ПТУ и техникумы, куда не идут или почти не идут коренные жители). Но особенно различаются жилищные условия указанных категорий горожан. Это касается, собственно, всех городов, однако для Москвы это особенно характерно по двум причинам. Во-первых, средняя жилищная обеспеченность москвичей заметно выше, чем средняя по городам страны. Во-вторых, в Москве среди новоселов очень велика доля лимитчиков, которые долго (пять лет и более) не получают постоянной прописки, то есть права стать в общие (на работе и в исполкомах) жилищные очереди, и долгие годы обречены на проживание в общежитиях.

Среди москвичей очень распространено убеждение, что среднее жилищное положение в столице значительно хуже, чем в других городах, чем по стране в среднем, что именно лимитчики — главные виновники этого, что именно они занимают новое жилье, а коренные москвичи именно поэтому обречены жить в коммуналках. Почти все это (кроме того, что часть коренных москвичей продолжает жить в коммунальных квартирах) неверно.

В конце 1987 года на среднего москвича приходилось 17,4 квадратных метра общей жилой площади, а в среднем по городам страны — 14,5 квадратных метра. Можно сказать, что Москва опередила страну по жилищной обеспеченности населения на пятнадцать лет. Почему на пятнадцать? Да потому, что с середины 50-х годов, когда в жилищном строительстве произошел громадный скачок, каждую пятилетку на среднего горожанина добавлялось по одному квадратному метру общей площади жилищ. Так что средний москвич совсем напрасно считает себя обиженным в жилищном отношении. Кроме того что жилья на него приходится больше, оно много лучше, чем в среднем в других городах. Но, соглашаясь с этим, нередко говорят: да, на среднего человека жилья в Москве больше, но тут много очень хорошо обеспеченных, так что средние тут непоказательны. Возможно, это и так. Данные об этом мы получим только после того, как будут обработаны материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года, при которой проводилась и перепись жилищных условий. Думаю, однако, что это не довод в пользу намеренной жилищной дискриминации новоселов. Это довод в пользу наведения порядка в распределении и использовании жилья, достижения социальной справедливости в этой области нашей жизни.

Сибирские социологи провели специальную большую работу по изучению жилищных условий горожан Западной Сибири. Они установили, что только у 13 процентов коренных жителей были плохие жилищные условия (6 м² жилой площади на человека и 2,8 человека на комнату), а у 5 процентов — очень плохие (3,9 м² на человека и 3,3 человека на комнату). А у тех, кто прожил в городах менее шести лет, плохие жилищные условия имели 32 процента, очень плохие — 18 процентов, то есть в сумме половина против 18 процентов у коренных горожан.

Конечно, конкретные цифры в разных местах могут быть разными, но примерно такие соотношения в жилищном положении коренных и

новых горожан характерны и для страны в целом, и для большинства больших городов. Жилищное положение новоселов несравненно хуже, чем старожилов. А это имеет громадные и многообразные последствия и для самих горожан, и для страны в целом. В частности, это подрывает воспроизводство городского населения. Не только в Москве, но и у всего городского населения страны детей недостаточно для количественного замещения родительского поколения. Одна из главных конкретных причин этого — жилищные условия новоселов.

Громадное большинство городских детей рождается теперь в молодых семьях, у матерей до тридцати лет. А среди городской молодежи большинство — новоселы, имеющие плохие жилищные условия. Из-за отсутствия нормального жилья одни поздно вступают в брак, другие быстро разводятся, третьи не решаются заводить детей, ограничиваются одним ребенком. Чем больше город, тем ниже рождаемость. В Москве, Ленинграде, Риге и многих других крупнейших и лучших наших городах демографическая ситуация катастрофическая. Поддерживать здесь более или менее нормальный состав населения по возрасту можно только с помощью притока молодежи. В Москве на 9 млн жителей уже теперь приходится 2 млн пенсионеров; если бы притока молодежи в Москву не было, их доля была бы куда больше.

Во всей громадной Москве в настоящее время живут менее 40 тыс. семей, в которых по трое или более детей. Между тем для простого воспроизводства населения нужно примерно 260 детей на 100 семей. Третий ребенок в семье — решающий с точки зрения воспроизводства населения. Между тем в Москве трехдетную семью с легкой руки бывшего отдела семьи Моссовета стали считать многодетной. Это демографический абсурд. И не такой уж безобидный. Ведь «много» часто понимается как «слишком много».

Дискриминировать в жилищном отношении молодых новоселов больших городов — это поистине рубить сук, на котором сидим.

Обычно думают, что очень плохое жилищное положение большой части нашего населения обусловлено только абсолютным недостатком жилья. Уверен, знаю, что это большая ошибка. Миллионы молодых семей не имеют нормального жилья потому, что другие миллионы имеют громадные жилищные избытки. По последнему сообщению Госкомстата, на учете для улучшения жилищных условий в городах и поселках городского типа на конец 1988 года состояло около 14 миллионов семей. Это на 1,3 миллиона больше, чем было за два года перед этим. Как видим, жилищные очереди горожан, если верить Госкомстату, быстро растут. Между тем на очередь ставят не всех горожан, остро нуждающихся в жилье: люди со временной пропиской (те же лимитчики) в этих очередях не стоят.

Конечно, жилья у нас мало. Для того чтобы всех обеспечить хорошим жильем, объемы жилищного строительства нужно значительно увеличить. Но так ли у нас мало жилья, чтобы десятки миллионов людей бедствовали? По данным того же Госкомстата, в конце 1988 года на среднего жителя страны приходилось 15,5 квадратных метра общей площади и 10,5 метра жилой площади. В переводе на наши стандартные квартиры, десятилетиями строящиеся в городах, это — однокомнатная квартира на двоих, двухкомнатная на троих и т. д. Не густо, конечно, но и далеко не бедственно.

Когда я несколько лет назад впервые опубликовал в одной из центральных газет цифры средней обеспеченности жильем, то получил много писем от крайне возмущенных читателей: такого-де никак не может быть: или автора обманули, или он сознательно обманывает

читателей; если у нас столько жилья на среднего человека, то почему же столько бедствующих?

Вопрос вполне законный. И ответить на него я могу только так: многие миллионы людей не имеют сколько-нибудь сносных жилищных условий только потому, что другие миллионы имеют громадные жилищные избытки.

Как они возникают, почему образуются?

Не буду говорить о разного рода жилищных безобразиях, сведениями о которых в последние годы переполнены наши газеты. Главное все же не в этом. Главное в том, что большие жилищные избытки неизбежно образуются на определенном этапе развития семьи.

Представим себе, что обычная, средняя двухдетная семья два десятилетия назад получила по скромной тогдашней норме обычную трехкомнатную квартиру на пять человек. За это время старейший член семьи умер, дети выросли, выучились, сына распределили в другой город, дочь вышла замуж и переехала к мужу. В тесноватой ранее трехкомнатной квартире остались двое. Это как раз тот идеал жилищной обеспеченности, к которому мы стремимся и который для всех очень отдален во времени: число комнат в квартире на одну больше числа ее членов. Но вот умирает один из супругов, обычно муж (женщины у нас живут в среднем на десять лет больше мужчин, а жены в среднем на три года моложе мужей). Одинокая пожилая женщина остается в трехкомнатной квартире, которая была некогда получена на пятерых. Читатель согласится, что я взял далеко не крайний пример. Что будет дальше? Как говорится, «возможны варианты». Одни сдают комнаты бездомным, другие устраивают обмены с большими денежными компенсациями за лишние метры, третьи хранят жилье для внуков... Никаких стимулов вернуть обществу избыточную жилую площадь нет. Плата за излишки площади, даже повышенная, у нас чисто символическая, с настоящей стоимостью жилья практически не связанная. По той же причине множество квартир пустует. Одни забронировали их и уехали на Север, другие — за границу, третьи получили бронь еще по какой-то причине.

Нынешняя жилищная политика, жилищное законодательство и жилищная практика крайне несовершенны, если не сказать — порочны. Много лет занимаясь социальными проблемами молодежи, я пришел к выводу, что необходима коренная жилищная реформа. К такому же выводу пришли и другие исследователи. Хотя их конкретные предложения несколько разнятся, в принципе они едины: жилье должно стать товаром и должен быть установлен социальный жилищный минимум, гарантированный государством. Этот жилищный минимум может быть и бесплатным. Сверх этого человек приобретает жилье за полную стоимость по своим потребностям и возможностям. Живи хоть во дворце, но не за счет других.

Жилье — вещь очень дорогая. Если оплачивать его соответственно полной стоимости, то это потребует очень большой доли бюджета средней семьи (подобно тому, как это имеет место в развитых странах Запада, где на жилье обычно тратится 20—30 процентов семейных доходов). В таком случае государственные расходы на жилье должны быть добавлены к заработной плате, пенсиям, стипендиям и т. д. Возьмем для примера самый простой случай. Допустим, что каждая семья получит дополнительно к своим обычным доходам по сто рублей в месяц. Но за квартиру одна семья заплатит эти сто рублей, другая пятьдесят, а третья — двести. Тогда эта третья семья прикинет, что ей выгоднее: жить в очень просторной и не очень нужной ей многокомнатной квартире, или быстрее купить автомобиль, или построить дачу, или съездить в круиз вокруг Африки. Будет решена и такая социальная проблема, как выравнивание жилищных расходов разных категорий населения, ликвидирована дискриминация сельских жителей. В настоящее время более половины жилищного фонда страны принадлежит государству, несколько процентов жилищно-строительным кооперативам (ЖСК), 40% — личное жилье. Владельцы собственного жилья и члены ЖСК несут полные расходы на строительство и содержание жилья, а квартиросъемщики государственного жилья возмещают лишь небольшую часть затрат на его содержание, живут в «бесплатном» жилье.

Предлагаемая реформа привела бы к тому, что жилищным минимумом были бы обеспечены все члены нашего общества. В частности, и нуждающиеся в жилье и не имеющие лучших вариантов жилищной обеспеченности молодожены могли бы получать одновременно со свидетельством о браке ордер на комнату, в будущем — на квартиру. По мере роста семьи автоматически расширялась бы и занимаемая ею жилая площадь. При этом улучшение жилищных условий семьи можно было бы связать с ее демографическим поведением. Скажем, гарантируемый государством жилищный минимум может увеличиваться по мере роста числа детей, могут быть льготы по оплате жилья.

Такая реформа помогла бы улучшить очень плохую ныне демографическую ситуацию в больших городах и помочь решить жилищную проблему. И не только тем, что лучше стала бы использоваться имеющаяся жилая площадь, но и ускорением жилищного строительства. В настоящее время при большом дефиците государственного бюджета очередники на бесплатное государственное жилье не склонны вкладывать свои деньги в жилищное строительство. Вовлечение в жилищное строительство больших и быстрорастущих личных накоплений могло бы резко повысить темпы жилищного строительства, приблизить тот момент, когда все семьи будут обеспечены отдельными благоустроенными домами или квартирами.

Свобода перемещения населения по территории страны и свобода приобретения жилья — очень важные и необходимые шаги на путях улучшения нашей жизни. Они должны стать важной частью всей суммы реформ на путях перестройки наших экономических и социальных механизмов.

Ольга Володеева

У СВЯТЫХ ВОРОТ...

За Серпуховскими воротами летом 1282 года был построен монастырь. Семьсот лет был Данилов монастырь духовным центром и Москвы, и России. Хронологически повествование о нем обрывается неоднократно — то нашествиями врагов, то внутренней неурядицей, то переделами московских земель, то пожаром 1812 года. Был Данилов монастырь южным форпостом Москвы, защищал город. Мимо него шли войска на поле Куликово, и Смутное время здесь оставило метины. Однако, несмотря ни на что, сохранился монастырь до наших дней (может, в тридцатые помогло ему выстоять то, что находился он то в ведении ГУЛАГа, то в ведении других, близких ему по духу заведений. И стены устояли, потому что нужны были стены, надолго ставшие бастионом молчания. Одна только не выдержала — рухнула в 1979-м, правда, теперь восстановили. Не те, кого прикрывала она,— другие)...

ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Однажды несколько лет назад в стенах Данилова монастыря случилась забастовка. Бастовали дети, которым было от семи до двенадцати. Они шли в сторону храма Семи Вселенских Соборов, спрятав руки за спиной, и пели что-то заунывными голосами. Помилуйте, да откуда там дети, притом бастующие? Увы, это реальность. Дело в том, что с 1928 года по 1983-й был в Даниловом монастыре не духовный центр, не дипломатическая православная миссия. Был там детприемник. Те, кому доводилось посещать его, задавались невольно вопросом: что это? Тюрьма? Детский дом? Интернат? Нет. Кто-то написал однажды, что это нечто вроде санатория-профилактория... Увы, этот «санаторий», может, и помог какому-то сбившемуся с пути подростку, но и пометил каждого из там находившихся невидимым клеймом: детприемник-распределитель.

...Те, бастующие, семилетки вскоре успокоились: есть хотелось. И кажется, их даже не наказали.

Шесть лет назад Свято-Данилов монастырь возвращен Русской православной церкви. Вновь звонят его колокола. И мне кажется порой: они звонят по детям. Мы не имеем права забывать, что здесь, за монастырскими стенами, сформировалось одиночество ребенка, оторванного от семьи. И страшное для нашего времени понятие — разрушенная семья — тоже формировалось здесь. Ибо через Святые ворота Данилова монастыря прошли и беспризорники двадцатых, и дети «врагов народа», и сыновья «маршалов страны и рядовых», как поется в песне. Позднее — дети войны, сироты пятидесятых и... современные дети тоже. Вот почему, когда я слышу колокольный звон Данилова, меня не только радость охватывает, но и неизмеримая печаль и стыд за историю собственного государства. Ведь вместе с колокольным благовестом, будто из вечности человеческого бытия, сливаясь с радостью и торжеством жизни, которые разносят колокола, вырастает хор неокрепших детских голосов сотен тысяч детей. Если и живых, то сломленных великой историей. Увы, политика и дети — понятия взаимосвязанные. Быть может, те, кто молится сейчас о мире в Даниловом монастыре, вспомнят в своих молитвах и детей, ставших жертвами террора. Это по ним звонят колокола. По каждому из нас. Ибо их жизнь стала нашей историей, этапом жизни нашей, рубежом совести.

ЭТАП

...Как долго «отполированным» нашим социальным отношениям претила сама мысль о том, что любой человек, любая жизнь и судьба сочетают в себе борьбу добра и зла. Такова природа человека. Забывая об этой истине, мы забываем о совести. Вот о чем думается, когда переступаешь порог столичного детприемника-распределителя.

Распределитель — не как-нибудь. То есть здесь распределяют, сортируют кого куда. Пути разные: спецшкола (ее иначе называют дурдом), интернат, детский дом, колония... Ну, и родной дом. Последнее бывает весьма часто, когда касается это обыкновенных беглецов. Нет, не романтиков (современные дети достаточно трезво смотрят на мир) — беглецов от папы с мамой, от семейных междоусобиц, от школы, от скуки... Ведь такое бегство — это протест...

Итак, распределитель. Что все же это? Детприемник — это этап. Куда бы ни направили оттуда ребенка, вряд ли забывает он это первое свое столкновение с законом.

...Впервые я пришла туда, когда центральный детприемник-распределитель переезжал в новое современное здание. Стояла осень 1983-го. По правую сторону от Святых ворот стояли служители церкви, въезжавшие в монастырь, по левую сторону — милиция. И было что-то неуловимо общее во взглядах тех и других, устремленных в одну точку. Я оглянулась и увидела... выходившую группу остриженных девочек лет четырнадцати. Меня поразили их недетские лица — лица женщин, все повидавших, на все наплевавших, безразличных ко всему.

В тот день в летописи Данилова монастыря переворачивалась одна из самых страшных страниц. «Даниловский детприемник», как называли его в народе, переезжал. Дети сами грузили в машины кровати, матрасы, стулья, столы, щетки, веники, музыкальные инструменты — весь реквизит своей бродячей жизни. Церковный сторож сочувственным взглядом посмотрел вслед уезжающим грузовикам с вещами и автобусам с детьми, затем запер проходную ключом. Закрылись Святые ворота. Закрылись от заярлыченного словом «преступность» мира. Закрылись для восстановления поруганного некогда мира церковного.

Стояла необъяснимая, странная тишина, которую не нарушало даже полязгиванье трамвайных колес. Казалось, эхо детского плача навсегда застыло в глазницах бойниц. И где-то между строк не написанной пока истории этого памятника и духовности нашей и нашего позора.

ПРИЮТ

...Был в Даниловом монастыре летописец Дионисий, был Авраамий Палицын, были люди Болотникова, обдумывавшие жизнь свою и историю отечества в тюремном заключении. И Лев Толстой избрал для себя отправной точкой пешего пути до Ясной Поляны все те же Святые ворота Данилова... Люди разных политических взглядов и религиозных воззрений писали историю Данилова монастыря на протяжении семисотлетнего его существования. Но были и другие — те, кто писал о детях, содержавшихся здесь.

Первые дошедшие до нас записи можно встретить... в письмах настоятеля монастыря Тихона, сохранившихся в Центральном государственном архиве древних актов. Письма эти датированы 1885—1896 годами, в них речь идет о необходимости «создать тюрьму для малолетних на территории монастыря». Судя по всему, отец Тихон, от которого требовала московская власть организации «надзора», долго тянул. Но в конце концов вынужден был просить у властей материальную помощь... Лежат на страницах архивных дел тени московских «христовых мальчиков» — точно таких, как умирающий от голода и холода ребенок в рассказе Достоевского.

Однако та невидимая миру слезинка ребенка, о которой он писал, в наше время стала подобна морю разливанному. Своего Достоевского на униженных и оскорбленных нового времени детей не нашлось. Об их судьбах поведали нам некоторые из тех, кто работал в детприемнике, расположенном на территории монастыря, в советское время.

Из записей В. Н. Щукиной — воспитательницы, работавшей в Центральном детприемнике-распределителе до 1981 года. Особого внимания

заслуживает декрет СНК от 14/I 1918 г. о создании комиссий по делам несовершеннолетних. Эти комиссии просуществовали до 1935 года, которых задача состояла не в защите общества от несовершеннолетних, а в защите их интересов... Позже права и обязанности комиссий расширились, они стали вести борьбу с эксплуатацией детского труда (защита прав малолетних батрачат, нянь).

Неурожай 1921 года, охвативший местность с 25-миллионным населением, 30 процентов которого составляли дети, принес огромные бедствия... В срочном порядке создавались врачебно-питательные поезда, в которых кормили детей, оказывали медицинскую помощь, мыли. Осенью 1921 года работало 6 таких поездов, с пропускной способностью в 6—7 тысяч обедов в день. Детей вывозили из Поволжья, и сами они бежали, кто как мог, наводняя Москву. Именно в это время создается Московская Чрезвычайная комиссия по борьбе с детской беспризорностью, председателем которой стала А. Д. Калинина.

Их привозили не только из Поволжья, беспризорников двадцатых. Среди них были и москвичи. Они ночевали в котлах, где оставался до ночи теплый вар. Однажды у Киевского вокзала остановился поезд, прибывший из Парижа. В поезде ехал корреспондент с фотоаппаратом наготове. Удивленная девочка-подросток высунулась из котла — да так и попала в кадр, а затем на обложку французского журнала, где было написано: «Русский Гаврош». Русскому Гаврошу суждено было стать Героем Советского Союза, поэтессой, педагогом. Зовут ее Софья Александровна Петренко. Она и сейчас собирает по всей стране брошенных, не нужных родителям детей...

Шли годы. И в одних стенах стали протекать жизни тех, кто возведен был в разряд «безнадзорных», «уголовников» и детей «политических», пойманных на улице, во дворе дома... Великие стройки века повлекли за собой потребность в большом количестве «мест» для осиротевших детей. Так в 1928 году открылся в Даниловом монастыре детприемник.

А. В. Захаров, первый комендант детприемников, вспоминает, что первое время кормила ребят походная кухня. Они получали свой обед и здесь же, во дворе, располагались для еды. Спали в тех зданиях, которые остались от монастыря. В это время начали перестраивать кельи, оборудовали столовую, выстроили баню. Монахам, находившимся в монастыре, было предложено уйти; осталось лишь несколько немощных старцев, которые вскоре были вывезены в другой монастырь.

По рассказам С. С. Лебедевой, которая работала в детприемнике с первых лет его существования, голодные дети приходили в приемник семьями. Подросток 14—15 лет приводил с собой 5—6 малышей, грязных, порой на опухших от голода ногах. Получив кусок хлеба, они целовали его и плакали. Поправившихся вывозили в детские дома, труддома, колонии; старших устраивали на работу. Были среди несовершеннолетних правонарушители: воры, мошенники, а порой и участники грабежей. Одним из первых начальников детприемника был Червонцев, «дядя Леша». Это был человек общительный и деятельный, организовал он «музыкальный взвод», и ребята под духовой оркестр ходили на праздничные демонстрации на Красную площадь. Когда готовился к постановке фильм «Путевка в жизнь», артист Н. Баталов, исполнявший роль начальника коммуны, много часов провел с Червонцевым. Манера носить кубанку, сдвинув на лоб, была перенята именно у него...

При Московском приемнике в Даниловом монастыре находилась приемная ВЦИК. Первой ее заведующей стала Александра Лукьяновна Яворская. Двадцать детей она усыновила. Сама лечила заболевших тифом. Умерла во время эпидемии 1934 года, и похоронная процессия растянулась тогда на два километра — от Донского монастыря до Данилова. «Если бы могли вы представить себе эту женщину,— вспоминает С. С. Лебедева.— Яворская была настоящей дворянкой, но никогда никому не говорила о своем происхождении. Тонкие черты лица, удивительно белые руки, всегда строго и со вкусом одетая... А вот не стало ее — откуда только не съехались ее подопечные. Не помню их имен, а жаль. Был художник один. Сам в прошлом из «воровского» мира, но ведь вывела она его в люди. Художник очень оригинальный, что стало с ним, не знаю. Как звали его, не помню. Он пришел к гробу Александры Лукьяновны, матерью своей ее назвал. И просил не беспокоить его, побыть наедине с ней хотел всю ночь. Так и просидел, склонив голову, и ни звука не проронил...»

ДЕТКОМБИНАТ

Постепенно расширялся Данилов монастырь. К середине тридцатых детприемник представлял собой своеобразный комбинат, имея на своей территории детскую тюрьму, следственную группу и особый контингент колонистов, подлежащих направлению в детские дома.

Образ пионера-героя в те годы еще только создавался. Еще долго было до страшного открытия: между героизмом и преступностью не пропасть, а тонкая грань... А дети поступали и поступали в детприемник — преступники и герои, все вместе.

В 1940 году детский отдел был реорганизован, детприемник перешел в ведение ГУЛАГа... 15—16 сентября 1941 года привезли тех, кто содержался в Ельнинской колонии (160 человек). 17 сентября стали возвращаться те, кто не успел эвакуироваться, и далее детприемник не закрывался, принимая осиротевших детей.

Сыновья полков в военных формах, которых привозили сюда из армии; дети, потерявшие своих родителей: девочки, ставшие текстильщицами на подмосковных фабриках, и мальчики, ковавшие в конце войны оружие на небольшом заводе «Искра», находившемся тоже в стенах монастыря,— их имена, к сожалению, забыты.

Они приезжали из сожженных подмосковных деревень, позднее были здесь дети из блокадного Ленинграда. Были и те, кто случайно остался в Москве... Только за 1942 год в стенах Данилова монастыря было спасено сорок три тысячи детей...

Вспоминает критик И. П. Золотусский: «Вы спрашиваете, можно ли об этом написать. Я не могу сказать: «Нет». Вы же не вычеркнете этого из моей биографии: август 1941-го, Данилов монастырь, детприемник для несовершеннолетних... Да, я отношу себя к «детям войны». Действительно, во время войны меня спасали. Но ведь есть и оборотная сторона медали. Вы знаете, почему я попал в детприемник? Не потому, что шла война. А потому, что посадили мою мать. Ко мне на улице подошли двое, посадили в «эмку» и привезли в монастырь. Мне было десять лет. Помню, у одного из этих двоих еще наган был. Я не понял, зачем ему наган, если он детей спасает... А потом к нам еще ребят привозили. Одного парня привезли солдаты: он вместе с

армией отступал от самого Минска... Потом был Барыбинский детский дом, потом эвакуация, потом с тремя ребятами ночью я бежал из детского дома. Только в 1945-м встретился с отцом, он увез меня с собой на Север... Сейчас он, реабилитированный, покоится на Новодевичьем».

Побывали здесь и сын Блюхера — Василий Блюхер (он сам рассказывал об этом в телевизионной передаче), и дочь писательницы Серебряковой. Были здесь и братья Аграновские... В те годы дети «врагов народа» вряд ли писали дневники. Но сейчас настало время записывать все, что сохранила жестокая память жестокого детства. Дети — главные очевидцы и главные свидетели своего времени. Не для злобы народной надо восполнить и опубликовать летопись детприемника, а для того, чтобы злобы этой больше не было.

Л. А. Кухарева: «Последний госэкзамен в пединституте сдавала в первый день войны. Экзамен по истории. Потом получила диплом учителя истории и с ним вместе комсомольскую путевку — детприемник-распределитель и адрес: Даниловский вал... Первого дня работы никогда не забуду. В здании, где были кельи, а в русско-турецкую войну появился госпиталь для раненых, которых привозили с поля битвы, теперь располагались мы. На здании там стоит дата — 1871 — год Парижской коммуны... Поднимаюсь на четвертый этаж, в надстройку. Ни столов, ни стульев. Все сидят на полу, человек четыреста на этаже, и в каждой комнате по девяносто. У входа, около открытой двери, Антонина Семенова книгу детям читает. «Что же делать?» — пролепетала я, увидев глаза ребят. «Ты педагог?» — спросила Антонина, не отрываясь от книги.— «Педагог».— «Ну так берись за работу»... Когда среди ночи завывала сирена, старшие девочки вскакивали, как солдаты, заворачивали маленьких в одеяла и сонных несли в бомбоубежище. Там, когда стихала тревога, дядя Женя про свою жизнь рассказывал — так, две-три реплики,— и они веселели...»

Воспитатель Е. Г. Бойков (дядя Женя): «Я бывший вор... из дома удирал и всякое такое... А Надежда Константиновна Крупская привела в детприемник... Вот так — был Женя, стал дядя Женя. Был воспитанник, стал воспитатель. Руку потерял по глупости. Чего не бывает! На фронт не попал — здесь, в монастыре, остался снабженцем... Там, в храме Семи Вселенских Соборов, была тюрьма. Ну, об этом мы не пишем... А потом стало там бомбоубежище. И стены эти сберегли детей, потому что рядом, у Даниловского рынка, бомбы падали и рушились дома... Ну, а храм Семи Вселенских Соборов — он еще при Наполеоне пострадал, его потом архитектор Бове восстанавливал. А сейчас как отреставрировали! И в голову не придет никому, сколько слез детских, сколько стонов видели и слышали эти стены...»

...Разговор с дядей Женей был первым и последним. Через год после нашей встречи я позвонила ему, хотелось узнать некоторые подробности военного быта. Но телефон молчал. Дядя Женя умер.

ОТРАДНОЕ

Все смешалось в этом доме — режимность и детская преступность. Подростки-бомжи, спекулянты, малолетние проститутки, с ними вместе наркоманы и просто неуправляемые (есть такое слово в медицине и педагогике). Ведь они тут все вместе — истинные преступники и те, кого преступниками сделали взрослые. Родители, учителя в школе.

Когда я вижу обитателей этого страшного заведения, то, признаться, не могу понять: чем они отличаются от обыкновенных мальчишек из школы или ПТУ. А судьба выходящих отсюда после даже недолгого пребывания оказывается порой перепаханной чуть не на всю жизнь. И не в воспитателях тут зачастую дело, а в системе заярлычивания. Распределитель — что-то вроде сортировочной станции, где дети уже не дети, а товар с ярлыками разного типа и обозначения сортности. В Отрадном это слово вымарали из таблички, написали короче и конструктивнее: детприемник. А там, у Святых ворот, было это слово все 55 лет, пока содержались там дети.

— Как вы думаете, нужны нам детприемники сегодня? — спросила я Софью Сергеевну Лебедеву, работавшую там с первых дней организации этого заведения. Она задумалась и сказала неуверенно:

— Наверное, нужны.

— Зачем?

— А где же остановка? Ребенок, пронзенный мыслью воспитателя, остановится, уйдет от порока...

Да, об этом говорили и священнослужители из Данилова монастыря. Они считают своим святым долгом — бывать у мальчиков в Отрадном. Только чья мысль воистину пронзит ребенка, сбившегося с пути?

Мне страшно оттого, что бывают такие юбилеи — 60 лет детприемнику. В тот день сюда был приглашен «волшебник» Владимир Руднев. Он привез для выступления весь свой «воровской реквизит». Манипуляции с картами, деньгами и прочим вызвали восторг милиции и недоумение в рядах мальчишек. Один бритоголовый, с уверенным видом все повидавшего карманника, даже вскочил с места: «Э, вранье!» И ринулся на сцену разоблачать «жулика-артиста». Руднев, видимо, ждал этого момента. Парень, насупившись, шел на него, даже толкнул Руднева легонько. И тот в горьком восторге: «Ого, сразу чувствуется, что ты на казенных харчах! Теперь смотри, у меня в руках карта...» Вся эта сцена закончилась тем, что Руднев вынул из кармана воспитанника свои платочки, неведомо как оказавшиеся у парня. Парень уходил со сцены в полном недоумении, под свист сидящих в зале. А я вдруг подумала о грани, отделяющей порок от творчества.

...Мы грани этой настойчиво не замечали. Мне впервые увиделась она, когда несколько лет назад я пришла работать в ПТУ. Мои мальчики все были певцами. Они пели дурными голосами отрывки из рок-оперы «Гитлер», они орали, что не присягнут в армии, потому что не хотят возвращаться из Афганистана в цинковых гробах. А иногда они повествовали лирическим, вкрадчивым тоном о будущих разбитых витринах, чтобы затем шагать и шагать по просторам Сибири, но живыми, без страшных снов про мирный Кабул. Иногда они выставляли лозунг: «Партия, Ленин, ком-со-мол!», и было в их цинизме что-то щемяще-тревожное. До тайных слез. Лозунгом они обезоруживали. Куда проще было, когда они просто пели: «Темная ночь, ты, любимая, знаю, не спишь...» Был канун сорокалетия Победы, был канун переосмысления жизни прошлой и настоящей. Они, эти ребята, казались мне абсолютно незащищенными в своей браваде. Ведь это были дети лжи, которые бросали ей перчатку. Неуверенно, но крикливо. И прорывались сквозь крик времени нечастые наши разговоры. О чем? О растоптанном Толстом (буквально ногами растоптанном), о книгах, сожженных на площадях Германии в 1933-м.

«По острию идете»,— шептал мне доверительно Витька-блондин с

небесными глазами. «Чудак, мы ведь вместе по нему идем, давай поможем друг другу не упасть...» Мне кажется: ни до, ни после работы в ПТУ (это был последний год «великого молчания») я не узнала столько о жизни и о возрасте, который надо еще суметь пережить. Вечерами дома изучала в зеркале первые седые волосы, потому что знала: кто-то писал на моих подопечных доносы. Это называлось «заявление в милицию». Подписи было достаточно одной — мастера. Только был ли такой мастер зодчим «смутной души»? Или он был всего лишь потомком сталинского палача?.. Милиция, привод. Один, другой... Я знала: после такого «заявления в милицию» путь у мальчиков один — в детприемник. А потом? Потом они — меченые.

...Лешку отправляли в Майкоп. Лешка — это один из тех парней, что смотрели Руднева, слушали священнослужителя из монастыря... Но теперь уехали и волшебник, и священнослужитель. Теперь Лешка ждал эвакуатора. «А кто такой — эвакуатор?» — спросила я однажды. И получила ответ: «Эвакуатор — это тот, кто этапирует детей всеми видами транспорта — наземного, воздушного и водного...» — «Как?» — «Этапирует... От слова «этап»...» Вот и ждал Лешка «на этапе» — у порога столичного детприемника в Отрадном. Он ждал предстоящей дороги на Кавказ, куда ссылали раньше лучших людей России. Но об этом Лешка не знал. Он знал, что несколько месяцев назад умерла его мать, что отца он не помнит совсем, старший брат в армии, а сестренка за ним недосмотрела. И залез Лешка с компанией взрослых ночью в детский сад, сломали там беседку. Потом его привезли в Отрадное, из Отрадного отправили в Каширу, в спецПТУ, а когда Лешке исполнилось четырнадцать, узнал он, что теперь его путь через Москву на Кавказ. «Ты куртку сестре отдай,— посоветовал ему внизу дежурный.— Все равно отберут. Там форма...» Лешка смирился со своей судьбой. Он ждал, все было впереди. Вслушивался в стук колес ночных поездов: «Скиталец, скиталец, скиталец...» Нет, это не остановка — детприемник. Для многих это только начало... Лешка уезжал. Кто будет следующим?

П. Н. Невский, воспитатель и музыкант (работал в детприемнике до 1985 года): «Окончилась война, а детей тут меньше не становилось поначалу. Был вот такой случай. В здание вокзала вошла девочка лет восьми. За плечами огромный мешок. Шла медленно, озираясь по сторонам. «А ну, развяжи мешок! Что это у тебя там? Почему одна?» И ахнули... ребенок, маленький братишка. Как Аленушка с Иванушкой, они приехали в неведомый большой город. Отец погиб, мать умерла. А они смотрели на Москву как на город-спаситель... Нет, имен их не помню. Как сложилась судьба их, не знаю...»

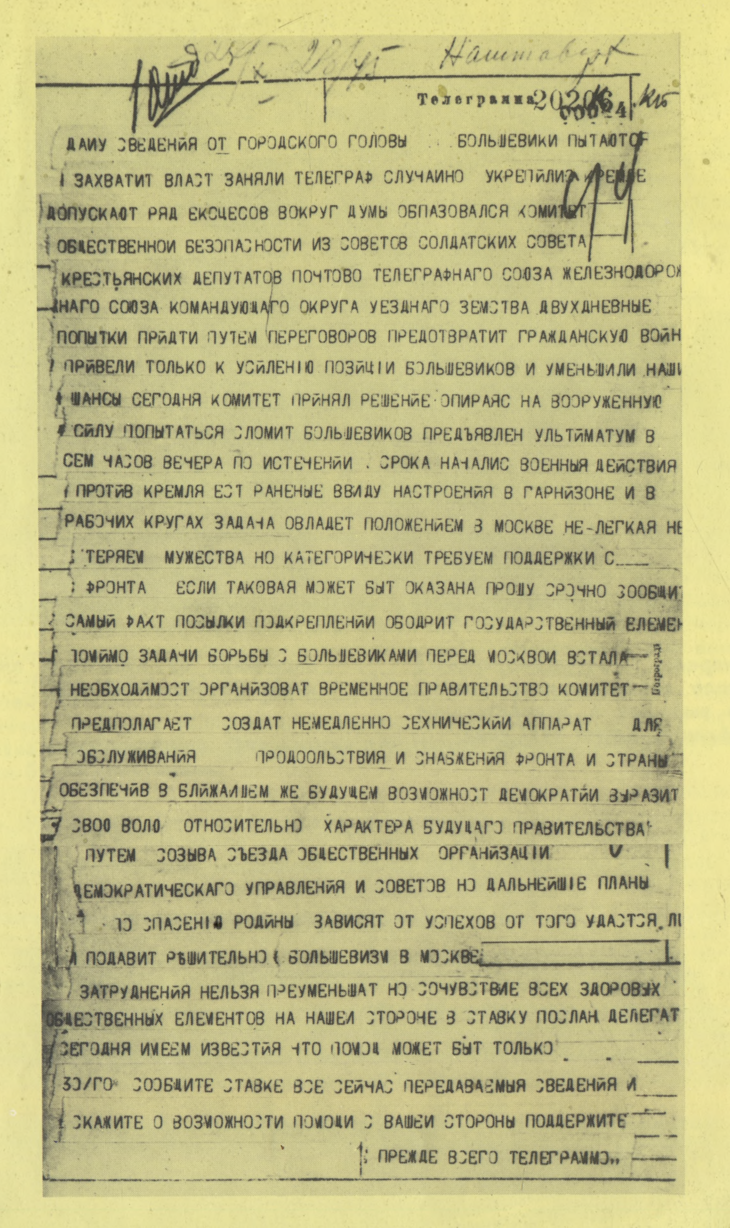
Как сложилась судьба их всех — беспризорных, безнадзорных, детей войны и брошенных на жертвенник культа личности? Как сложилась судьба романтиков шестидесятых, спекулянтов семидесятых, бродяг и падших в восьмидесятые... А колокола Данилова монастыря вопрошают прохожих и зовут: «Прохожий, остановись у Святых ворот...» И уж коли стали сегодня дети истинными миротворцами, не открыть ли неподалеку от Данилова монастыря музей истории детприемника или же международную детскую дипломатическую миссию? Быть может, даже и в стенах монастыря. Ведь им, сегодняшним детям, людям третьего тысячелетия, решать свою судьбу. А значит — судьбу мира и планеты...

Очередь регистрирующихся около избирательного участка по выборам в Учредительное собрание. Август 1917 года

Баррикада на Арбатской площади. Октябрь 1917 года

Телеграмма 20206

ДАЮ СВЕДЕНИЯ ОТ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ БОЛЬШЕВИКИ ПЫТАЮТСЯ
ЗАХВАТИТ ВЛАСТ ЗАНЯЛИ ТЕЛЕГРАФ СЛУЧАИНО УКРЕПИЛИСЬ КРЕМЛЕ
ДОПУСКАЮТ РЯД ЕКСЦЕСОВ ВОКРУГ ДУМЫ ОБРАЗОВАЛСЯ КОМИТЕТ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЗ СОВЕТОВ СОЛДАТСКИХ СОВЕТА
КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ПОЧТОВО ТЕЛЕГРАФНАГО СОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖ
НАГО СОЮЗА КОМАНДУЮЩАГО ОКРУГА УЕЗДНАГО ЗЕМСТВА ДВУХДНЕВНЫЕ
ПОПЫТКИ ПРИЙТИ ПУТЕМ ПЕРЕГОВОРОВ ПРЕДОТВРАТИТ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙН
ПРИВЕЛИ ТОЛЬКО К УСИЛЕНИЮ ПОЗИЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ И УМЕНЬШИЛИ НАШИ
ШАНСЫ СЕГОДНЯ КОМИТЕТ ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ОПИРАЯС НА ВООРУЖЕННУЮ
СИЛУ ПОПЫТАТЬСЯ СЛОМИТ БОЛЬШЕВИКОВ ПРЕДЪЯВЛЕН УЛЬТИМАТУМ В
СЕМ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПО ИСТЕЧЕНИИ СРОКА НАЧАЛИС ВОЕННЫЯ ДЕЙСТВИЯ
ПРОТИВ КРЕМЛЯ ЕСТ РАНЕНЫЕ ВВИДУ НАСТРОЕНИЯ В ГАРНИЗОНЕ И В
РАБОЧИХ КРУГАХ ЗАДАЧА ОВЛАДЕТ ПОЛОЖЕНИЕМ В МОСКВЕ НЕ-ЛЕГКАЯ НЕ
ТЕРЯЕМ МУЖЕСТВА НО КАТЕГОРИЧЕСКИ ТРЕБУЕМ ПОДДЕРЖКИ С
ФРОНТА ЕСЛИ ТАКОВАЯ МОЖЕТ БЫТ ОКАЗАНА ПРОШУ СРОЧНО СООБЩИ
САМЫЙ ФАКТ ПОСЫЛКИ ПОДКРЕПЛЕНИЙ ОБОДРИТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЕЛЕМЕН
ПОМИМО ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ ПЕРЕД МОСКВОЙ ВСТАЛА
НЕОБХОДИМОСТ ОРГАНИЗОВАТ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КОМИТЕТ
ПРЕДПОЛАГАЕТ СОЗДАТ НЕМЕДЛЕННО ТЕХНИЧЕСКИЙ АППАРАТ ДЛЯ
ОБСЛУЖИВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СНАБЖЕНИЯ ФРОНТА И СТРАНЫ
ОБЕЗПЕЧИВ В БЛИЖАЙШЕМ ЖЕ БУДУЩЕМ ВОЗМОЖНОСТ ДЕМОКРАТИИ ВЫРАЗИТ
СВОЮ ВОЛЮ ОТНОСИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА БУДУЩАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПУТЕМ СОЗЫВА СЪЕЗДА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО УПРАВЛЕНИЯ И СОВЕТОВ НО ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ
ПО СПАСЕНИЮ РОДИНЫ ЗАВИСЯТ ОТ УСПЕХОВ ОТ ТОГО УДАСТСЯ ЛИ
ПОДАВИТ РЕШИТЕЛЬНО БОЛЬШЕВИЗМ В МОСКВЕ
ЗАТРУДНЕНИЯ НЕЛЬЗЯ ПРЕУМЕНЬШАТ НО СОЧУВСТВИЕ ВСЕХ ЗДОРОВЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ЕЛЕМЕНТОВ НА НАШЕЙ СТОРОНЕ В СТАВКУ ПОСЛАН ДЕЛЕГАТ
СЕГОДНЯ ИМЕЕМ ИЗВЕСТИЯ ЧТО ПОМОЩ МОЖЕТ БЫТ ТОЛЬКО
ЗОЛГО СООБЩИТЕ СТАВКЕ ВСЕ СЕЙЧАС ПЕРЕДАВАЕМЫЯ СВЕДЕНИЯ И
СКАЖИТЕ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОМОЩИ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ ПОДДЕРЖИТЕ
ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТЕЛЕГРАММО»

Телеграмма московского городского головы начальнику штаба верховного главнокомандования о вооруженном восстании в Москве. Октябрь 1917 года.

О ПАМЯТНИКАХ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ И КОТОРЫХ НЕТ

Памятники, памятники, памятники... Развернутые ансамбли и отдельные монументы, небольшие статуи, бюсты, скульптурные портреты, мемориальные доски... Какие они? Без одних невозможно представить родной город. С другими незаметно свыклись. Третьи становятся неприемлемыми и даже непристойными со временем, расставляющим все по своим местам в реальной истории и человеческой памяти.

Полярная противоположность индивидуальному художественному видению образов — бездумное тиражирование безликих фигур. Если отвлечься на мгновение от памятников-персоналий, то здесь мне вспоминаются «тиражированные по госстандарту» скульптуры: обязательные физкультурница с мячом и физкультурник с веслом (или наоборот) в наших городских парках 30—50-х годов.

Однако не всякое повторение есть тиражирование, коли речь идет о подлинном искусстве.

Сорок лет назад в берлинском Трептов-парке поднялся монумент Воина-освободителя, созданный Евгением Вучетичем, как символ вечной памяти тем, кто отдал свою жизнь во имя Победы. Памятнику суждено было стать первым художественным отображением Великой Отечественной войны в монументальном жанре. Первым, думается, не только по времени создания. Так разве не было бы правомерным установление шедевра Вучетича и в родной стране, тем более в Москве, откуда начинался героический и многожертвенный путь к Победе!

Мысль, однако, возвращается к иным скульптурным творениям, которые нельзя — ни по совести, ни по фактической реальности — именовать памятниками. Я говорю о прижизненных запечатлениях высокопоставленных персон. Вознесенные в буквальном смысле слова над народом, они и сегодня словно утверждают: мы еще здесь, мы еще есть!.. Но почему?

Почему по сей день продолжает стоять в Алма-Ате бюст ныне здравствующего Д. Кунаева? 22 августа 1988 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О совершенствовании порядка награждения государственными наградами СССР». Согласно этому постановлению «бронзовые бюсты при жизни Героев не устанавливаются». Конечно, никакой закон обратной силы не имеет. Речь идет о снятии бюстов в связи с возможными отменами неправедных награждений «героев» времен застоя и коррупции.

Известен, впрочем, один прецедент установления бюста, неправомерный даже в соотнесении с законодательством былых времен. Это бюст К. Черненко в Красноярске, воздвигнутый в 1982 году спустя три месяца после посещения Константином Устиновичем города. Однако даже в соответствии с законоположением былых времен, бронзовые бюсты тех, кто вторично награждался Золотой Звездой Героя, устанавливались на их родине. Для прижизненного же изваяния Черненко было облюбовано место пореспектабельнее — не в его родном селе Большая Тесь, а в краевом центре. И лишь теперь, после многочисленных обращений трудовых коллективов и отдельных граждан, горсовет ходатайствовал перед Верховным Советом СССР о перенесении бюста К. У. Черненко из Красноярска.

Наряду с прижизненными памятниками не могут быть обойдены молчанием и иные мемориальные запечатления.

Кремлевская стена — святыня не только Москвы, это национальная святыня. Но ни разум, ни сердце согласиться не могут с тем, что в одном ряду со светлыми именами Дзержинского, Кирова, Красина, Крупской — имена Вышинского, Жданова! Может быть, не тревожа праха, снять эти доски с Кремлевской стены? Несомненно одно: любые решения не могут быть следствием эмоционального волюнтаризма. И поскольку мы идем к созданию правового государства, думается, что окончательное слово, учитывающее широкое общественное мнение, должно принадлежать Верховному Совету СССР.

До сих пор речь шла о мемориальных отображениях, которые или могли не быть, или не должны были быть вовсе. В диссонансе с этими мемориальными присутствиями — столь же ощутимое отсутствие многих мемориальных отображений, необходимых нашей благодарной памяти. В Москве, на улице Горького, в доме № 18, помещалась редакция «Правды», возглавлявшаяся Н. И. Бухариным. В доме № 2 по улице Серафимовича, известном как «дом на набережной», жил А. И. Рыков — первый после Ленина Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР, а затем и Совнаркома СССР. И если нет мемориальных досок, то что же говорить о памятниках? Монумента Маршалу Советского Союза Георгию Жукову в Москве нет пока даже в проекте, как нет в столице и памятников маршалам Ивану Коневу и Константину Рокоссовскому. Тем не менее будущий памятник Победы в Москве не отменяет необходимости индивидуальных запечатлений тех, кто с первого дня войны эту Великую Победу завоевывал. Точно так же и Мемориальный комплекс жертвам сталинских репрессий вовсе не призван заменить памятники большевикам-ленинцам. В соответствии со сложившимися традициями они должны быть воздвигнуты прежде всего на их родине, будь то монумент Николаю Бухарину в Москве или Алексею Рыкову в Саратове.

По давней традиции многие памятники сооружаются у нас на средства, собранные различными общественными фондами. Общественный сбор средств предшествовал воздвижению на Красной площади памятника Минину и Пожарскому. На народные деньги был сооружен и московский памятник Пушкину. В наше время люди повсюду хотят видеть скульптурные запечатления героев войны, ветеранов труда, выдающихся творцов искусства (прежде всего — своих земляков).

Выступая на Съезде народных депутатов СССР, председатель Всесоюзного совета ветеранов войны и труда К. Т. Мазуров сказал, что ветераны возмущены тем, что до сих пор в Москве нет памятника Великой Победе. В долгострой превращаются музей Великой Отечественной и парк Победы, а значительные суммы собранных народом средств разбазариваются. А ведь на объявленные счета отправляли пенсионеры не лишние рубли. Но вот мы узнаем из газет, что подходящего проекта памятника Победы пока не выявлено, однако порядочные суммы из собранных денег выплачены... в качестве поощрительных премий авторам. Можно добавить, что жюри памятника Василию Теркину в Смоленске, не сочтя какой-либо проект художественно достойным, решило «пока что» часть средств переключить на сооружение памятника... А. Т. Твардовскому. Надо ли убеждать, что этот памятник духовно необходим и что недостатка средств на него не будет! Но ведь в данном-то случае деньги собирались на памятник Теркину, народному герою, персонажу поэмы Твардовского! Уверен, любое переадресование уже собранных средств несет в себе не только неуважение к многочисленным вносителям, но и столь же явное юридическое нарушение их прав, их ясно выраженных намерений. Трудно даже представить себе, что было бы, если бы, к примеру, в Копенгагене вместо предполагаемой скульптуры Русалочки на уже собранные средства вдруг решили соорудить памятник Андерсену...

Распространенная цепочка действий «сбор средств — организация конкурса — воздвижение» явно порочна, поскольку здесь воистину «телега бежит впереди лошади». При таком обратном порядке каждый из нас, сухо-официально именуемый вносителем, не знает и не может знать заранее, вносит ли он деньги на своего Теркина или на своего Твардовского. Неужто это не имеет никакого значения?

Неуважительность проявляется также в не столь уж редких «заложениях без воздвижений». Скажем, стоит на столичной площади имени 50-летия Октября памятный камень, надпись на котором гласит, что здесь будет сооружен монумент в честь 50-летия Великого Октября. К его сооружению и не приступали. Да и нужен ли монумент в честь 50-летия? А если просто в честь Великого Октября? Однако все эти вопросы — «вторые». Первый же вопрос — должен ли вообще стоять на площади памятный камень, если сооружение монумента даже не проектируется? Старший «сородич» этого камня вот уже 35 лет украшает сквер у Киевского вокзала, где предполагалось воздвижение монумента в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией. Кстати, этот монумент, и именно здесь, у Киевского вокзала, был бы вполне уместен.

Хочется предложить создать фонд «Лира России» для увековечивания памяти великих творцов русской поэзии и музыки, чей облик до сих пор не нашел воплощения в бронзе и камне в наших городах. Пусть это будут памятники Евгению Баратынскому в Тамбове, Федору Тютчеву в Брянске, Александру Бородину и Александру Блоку в Ленинграде, Сергею Рахманинову и Александру Скрябину в Москве. Преимущество такого группового фонда в том, что если после проведения конкурсов и решений компетентного жюри, даже после широкого общественного обсуждения кто-то не увидит в победивших проектах своего Баратынского, он, возможно, увидит своего Тютчева или Рахманинова. Конечно, могут быть другие фонды, групповые или индивидуальные. Важна перспектива: мы хотим создания скульптурных воздвижений, художественно достойных тех, чьи стихотворные строки и волшебная звуковая палитра являют нам, говоря тютчевским стихом, «души высокий строй, проникший лиру».

Владимир БЛОК,
композитор, кандидат искусствоведения,
член Международного общества Золтана Кодая

«НЕКРАСОВКЕ» БЫТЬ!

Одно из свидетельств крайне низкого состояния культуры сегодня, заявил академик Д. С. Лихачев на Съезде народных депутатов СССР,— состояние библиотек. Он же впервые публично сказал тогда о проблемах, обрушившихся на библиотеку имени Н. А. Некрасова.

Почему нас волнует судьба «Некрасовки»? Судьба библиотек вообще должна волновать каждого мыслящего человека. Но «Некрасовка»... Откровенно

говоря, определенный душевный трепет, связанный с этим именем, вызван ностальгией по нашей юности, по студенческой поре, которая пришлась на годы «оттепели». Мы жили тогда на Каляевской улице, гуляли по арбатским переулкам, Большому Каретному, где в те же годы шел к своим песням Высоцкий. На площади Маяковского слушали молодых, но уже известных Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко. Входил в моду Окуджава. А на Пушкинской площади, рядом с «Известиями», еще стояло здание, в котором находился кинотеатр «Центральный», а на Тверском еще был кинотеатр «Новости дня», а на углу — аптека, по вечерам там зажигались старинные фонари. Казалось, как у Блока, аптека, улица, фонарь будут вечно.

Тогда же на Большой Бронной, в здании, принадлежавшем в прошлом усадьбе Салтыковых, мы открыли для себя Некрасовскую библиотеку. Мы читали там последние номера журналов, готовились к экзаменам, брали на дом книги на иностранных языках, обменивались новостями.

С каждым годом Пушкинская площадь меняла свой исторически сложившийся облик. Исчез кинотеатр «Центральный», исчезла и аптека. Зато появился еще один фонтан. Пушкин, слава Богу, еще стоит, хотя, как известно, не на своем первоначальном месте. Неподалеку от него на Большой Бронной инофирма собирается возводить ресторан в современном стиле. А теперь вот добрались и до библиотеки...

Нет, ее пока не закрывают. Ее собираются «сливать», планируют по соседству предприятия общественного питания, создают условия, в которых легко может потеряться часть книжного фонда и уникального библиографического материала. И это только начало той деятельности, которая неминуемо сведет неповторимое к заурядному. А затем естественно встанет вопрос, зачем вообще нужна библиотека имени Некрасова на площади Пушкина?

Предвидим возмущение чиновников от культуры. Нет, нет, они ничего подобного не хотят. Они все понимают. Значение и роль библиотек в деле воспитания советского человека огромны. И как раз все наоборот. Здание будет реконструировано, библиотека расширит свои площади. Склоку, возникшую в ее коллективе, вынесут на общее собрание библиотечных работников Москвы. И все будет хорошо, да и все, что уже сделано, что и создало конфликтную ситуацию, сделано из лучших побуждений. Как тут не вспомнить Маяковского: «Нельзя сапожища!.. на сердце горящее лезут в ласках».

Несомненно, здание библиотеки нуждается в ремонте, а поскольку оно представляет собой архитектурную ценность, то точнее будет сказать, в реставрации. Вопрос в том, чтобы при транспортировке и временном хранении фондов в помещениях, мало для этой цели приспособленных, не пострадала ни одна книга, не потерялась ни одна библиографическая карточка. Как нам известно, об этом руководящие товарищи не позаботились. Реставрационные работы должны вот-вот начаться. Абонемент уже закрыт. Вывозятся книги. Есть ли гарантия, что они вернутся в целости и сохранности?

А как потушить конфликт, разгоревшийся в коллективе библиотеки? Не вдаваясь в его суть, спровоцированного, по-видимому, вышестоящими инстанциями для оказания давления на строптивых библиотечных работников, хотелось бы несколько слов сказать об уникальности «Некрасовки».

Ведь она не имеет аналога среди других библиотек столицы. Она знаменита своей демократичностью. Ее двери открыты для всех. Тут нет ни образовательного, ни возрастного ценза. В случае отсутствия необходимой книги в фондах библиотеки читатель может рассчитывать на то, что он получит нужное издание по межбиблиотечному абонементу. Если книга нужна срочно и она отсутствует, то читателю выдается направление в библиотеку имени В. И. Ленина, куда без направления может попасть далеко не каждый даже из числа обладающих высшим образованием. Это одна из немногих библиотек, имеющих абонемент литературы на языках народов Советского Союза и на иностранных языках. Библиотека обладает краеведческим отделом, где собран богатейший материал по истории Москвы. Этот же отдел организует встречи с творческой интеллигенцией: писателями, артистами, художниками, учеными. И наконец, великолепный справочно-библиографический отдел. В любой библиотеке существует алфавитный каталог, в большинстве библиотек есть систематический каталог, здесь же вдобавок к двум первым существует огромный предметный каталог, содержащий около двух миллионов карточек. Здесь можно найти ссылки на все свойства предмета, относящиеся к различным областям человеческого познания. Благодаря наличию столь обширного справочного материала опытные библиографы дают справки в очной и заочной (по телефону) форме практически по любому вопросу. Где публиковался Дейл Карнеги? Какие существуют издания Иосифа Флавия? Где написано о лекарственных свойствах ромашки? Чтобы отвечать на такого типа вопросы, надо не только знать расположение карточек в каталоге, но и обладать эрудицией, общей культурой. А ведь практически всем сотрудникам библиотеки приходится ежедневно отвечать на сотни вопросов. Постоянное общение с читателями требует спокойной, благожелательной обстановки, определенного нравственного климата. Работоспособный дружный коллектив складывается годами. Очень много общего у библиотеки с живым организмом. Ее жизнедеятельность так же сложна и хрупка и так же не терпит грубого вмешательства. Ее легко нарушить, но, по-видимому, очень трудно восстановить.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание общественности. Пофантазируем немного и представим себе на миг, что управление культуры Моссовета прониклось пониманием важности поддержания библиотечного дела в столице и добилось возведения где-нибудь в центре многоэтажного, просторного, оборудованного по последнему слову техники здания для Некрасовской библиотеки, а ее нынешнее здание перешло бы, например, в лучшем случае, Литературному институту, или, в худшем, было превращено в фешенебельный ресторан в стиле «ретро». Может быть, с таким вариантом согласились бы некоторые сотрудники библиотеки. А как бы к этому отнеслись москвичи? Нам кажется, однозначно. На Большой Бронной, рядом с Пушкиным, рядом с историческим Тверским бульваром и быть публичной городской библиотеке!

И лучше всего, если вся усадьба Салтыковых, в которую входило несколько строений, перейдет в ведение библиотеки. Недавно нам довелось побывать на собрании общественности Москвы, обеспокоенной судьбой «Некрасовки». На этом собрании заведующий краеведческим отделом библиотеки А. А. Клименко показал собравшимся цветные слайды, на которых были запечатлены некоторые здания усадьбы. Обшарпанные, с обрушившейся штукатуркой, с поврежденной кровлей. Во внутренних помещениях сырость, грязь, свалка. И это здания, имеющие архитектурную и историческую ценность. Больно смотреть!

Лучшим подарком москвичам будет создание в усадьбе культурного центра под эгидой Некрасовской библиотеки. Тут могли бы разместиться и небольшой выставочный зал, и читательский клуб, а может быть, и небольшая сцена для камерных студийных постановок.

Так хочется, чтобы знакомые каждому москвичу с детства центральные улицы и площади города имели свое лицо. И это лицо не оборачивалось к прохожему помпезным многоэтажным фасадом, раскрашенной под старину слащавой подделкой или крикливыми ресторанными вывесками.

Экономисты уже пришли к необходимости четкого определения прожиточного минимума. А задавался ли кто-нибудь вопросом, какой цифрой выражается потребность одной человеческой души в культурных ценностях? Скажем, хотя бы раз в месяц сходить в театр, на выставку, получить десяток подписных изданий — три-четыре газеты, два-три толстых журнала и парочку тонких. Купить в киоске Союзпечати понравившееся издание или, наконец, если посчастливится, приобрести в магазине желанную книгу. На все это требуется не так уж и мало. По нашим подсчетам, рублей 30—40 ежемесячно. И это как минимум.

В такой ситуации возрастает роль общедоступных библиотек. И когда закрывается, даже временно, действующая большая (порядка 1,5 миллиона томов) библиотека, обслуживавшая около 100 тысяч только постоянных читателей,— это невосполнимая потеря для московской читающей публики. Особенно теперь, при остро ощущаемом книжно-журнальном голоде, в условиях бешеного роста цен на книжном черном рынке.

Ныне, когда упование на рост культуры всего народа — единственная надежда на прогресс в развитии нашего общества, неуважительное отношение к библиотекам выглядит особенно кощунственно.

Олег ГАЙН, Владимир ШАПИРО
Москва

Вадим Делоне

ПОРТРЕТЫ В КОЛЮЧЕЙ РАМЕ

Фрагменты книги

Перед вами свидетельство человека, чистого душой, о своем и нашем времени. Он хотел добра, справедливости и свободы и сделал для этого все, что мог. В последние десятилетия такие люди были на виду, потому что жить без них было невозможно. И боролся он за эту свободу и справедливость не только на кухне, как многие из нас. Выйти на пять минут, «пять минут свободы», на Красную площадь, точно зная, что за этим последуют годы лагерей,— на это решилось только семь человек.

И не будем юлить перед собой — свобода не приносит нам счастья, а ставит человека перед неразрешимыми жизненными проблемами, изгоняет из страны, делает его одиноким и убивает. Но отказаться от нее, как от судьбы, невозможно.

Делает одиноким? Такого большого и красивого жизнелюба, как Вадим? Человека, близкие друзья которого — Юлий Ким, Александр Галич, Виктор Некрасов, Леонид Губанов? Человека, который нашел и сохранил свою любовь, и этому не помешали следственные изоляторы? Да, но дружба и любовь должны быть в Москве, а все *друзья — на Родине, на свободе и живы...*

Чтобы облегчить работу историка и не выискивать по крупицам сведения о первом этапе освободительной борьбы в России после второй мировой войны, а представить свидетельства очевидца и участника оной, чтобы напомнить людям, где и когда они живут, здесь, впервые на Родине, публикуются фрагменты из книги поэта и свободного человека Вадима Делоне «Портреты в колючей раме».

...Когда он уезжал, то сказал мне, что проживет там (в Париже, на родине предков) не больше пяти лет. Но там были друзья — Галич, Некрасов,— и он прожил семь лет, до 13 июня 1983 года.

Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев в Де Буа.

Владимир БЕРЕЖКОВ

...Моим далеким предком был комендант Бастилии. За верность присяге королю ему отрубили голову в порыве «народного гнева» и торжественно носили ее на пиках восставших по улицам Парижа. Племянник коменданта, мой прямой предок по мужской линии, был известным врачом и служил при личной гвардии Наполеона. Был ранен под Бородином, взят в плен, во Францию не вернулся, так как женился по любви на русской небогатой дворянке Тухачевской. Жил на свою частную врачебную практику. Кстати, знаменитый советский маршал Тухачевский, которого называли «красным Бонапартом», из того же рода. Он был одним из кадровых офицеров русской армии, перешедших на сторону большевиков. Маршал Тухачевский был расстрелян по личному приказу товарища Сталина в тридцать седьмом году и вполне благополучно реабилитирован в пятьдесят шестом. Возможно, его убили в той же Лефортовской тюрьме, в которой я сидел в конце шестидесятых годов.

Но моя семья, семья Делоне, никакого отношения к большевистскому перевороту не имела. В двадцать третьем году, когда отчаявшиеся обездоленные люди, измученные кровавым советским террором, бежали из России, моему деду, тогда совсем молодому, но уже известному ученому, предложили профессорскую степень в Париже. От выезда он отказался, хотя прекрасно понимал, чем рискует. Он считал, что его долг остаться в России. Даже в эпоху массовых расстрелов и пыток он осмеливался обращаться к властям с прошениями об арестованных родных и друзьях. К тому времени за математические труды он получил академическое звание, но ни в сталинские, ни в наши годы это никому не гарантировало безопасности. До последних дней жизни он продолжал увлеченно работать со своими учениками — многие из них стали знаменитыми математиками,— совершал горные восхождения, на которые мало кто решался даже в юности.

В семидесятом году, когда деду было восемьдесят лет, ему доставили особую радость — встретиться со своим внуком в бараке для свиданий уголовной сибирской зоны. Свидания разрешались раз в год на трое суток только с близкими родственниками. Через три часа я упросил деда улететь назад в Москву, так как понял — для него невыносимо видеть меня в этой обстановке и сознавать, что ничем не может мне помочь.

Итак, мой дед пределов России не покидал.

В волне послереволюционной эмиграции в Париже оказалась его кузина (Делоне по материнской линии), поэтесса и художница, дар которой высоко ценили Александр Блок и многие из тех, кто составлял цвет русской культуры «серебряного века». Во Франции она известна под именем матери Марии, православной монахини в миру. Сначала она помогала бесприютным и больным русским эмигрантам. Ей удалось собрать средства и снять дом, в котором эти люди могли жить и питаться благодаря ее отчаянным усилиям; соседний гараж был перестроен в русскую церковь, многие иконы писались самой матерью Марией. Когда немцы вошли в Париж, в том же доме на рю дю Лурмель мать Мария прятала евреев, доставала для них поддельные документы, помогала бежать в неоккупированные районы, принимала активное участие в Сопротивлении. В сорок третьем году по доносу в этот дом нагрянуло гестапо. Не застав мать Марию, они забрали ее 22-летнего сына как заложника и обещали отпустить его, если мать Мария сама явится в их штаб. На следующий день она была арестована. Сына не освободили. Мать Мария погибла в лагере Равенсбрук, ее сын — в Бухенвальде.

Как раз в связи с матерью Марией и произошло мое первое столкновение с представителями КГБ от литературы. Мне было восемнадцать лет, шел шестьдесят шестой год. Я учился в институте и даже работал внештатным сотрудником «Литературной газеты». Меня вызвали на продолжительную беседу и объявили: во-первых, у меня плохие друзья — Буковский, Галансков и другие. Во-вторых, зная, что я родственник матери Марии, предложили мне командировку в Париж (о чем мало кто мог мечтать даже из верноподданных писателей) с тем, чтобы я собрал материалы и написал книгу о ее жизни. Но при этом прозрачно намекнули: я непременно должен объяснить мотивы антифашистской деятельности матери Марии не ее глубокой христианской верой, а сочувствием коммунистической идеологии.

Я был несколько удивлен, почему именно ко мне обратились с такой просьбой.

— Видите ли,— разъяснили мне,— мы посылаем за границу сотни сотрудников, но каждый из них готов продать родину за пару джинсов. Вы же не из той категории людей.

— Россию я, верно, не продам,— ответил я,— но только понятия о родине и чести у нас с вами совершенно разные.

— Ну смотрите, Делоне, в скором времени вы поедете совсем в другую сторону.

В декабре 1966 года я был отправлен на несколько недель в психбольницу за публичное чтение стихов и попытку создать свободное объединение прозаиков и поэтов. А через месяц после освобождения из психушки был арестован вместе с Буковским за демонстрацию на Пушкинской площади в защиту Галанскова и других. Я провел в стенах Лефортовской тюрьмы десять месяцев. Осенью 1967 года я уехал из Москвы в новосибирский Академгородок и стараниями друзей-ученых был зачислен в Новосибирский университет. <...>

В этот сказочный период власти не могли запретить бесчисленные вечера, на которых читались неподцензурные стихи, выступали барды. Тогда в первый и последний раз перед такой широкой аудиторией на своей родине свободно пел Александр Галич. Над клубом Академгородка красовался двусмысленный лозунг: «Поэты! Вас ждет Сибирь!»

Причина, по которой власти дозволили столь невероятную для Советского Союза демократию, была одна — временное замешательство.

Ночами мы не отходили от приемников, слушали первые сообщения западного радио о «пражской весне» — все жили только этим. Заявление Дубчека о частичной отмене цензуры, демонстрации в Праге с требованиями морального осуждения и изгнания с государственных постов тех, кто замешан в расправах над невиновными. Эти сообщения радовали, объединяли нас. И многим казалось, что стена между нами и свободой медленно рушится.

Но власти постепенно приходили в себя. И первой, как всегда, выступила наша «самая честная в мире» советская пресса и запестрила разоблачениями. Газета «Вечерний Новосибирск» удостоила меня целым разворотом под названием «В кривом зеркале». Имелось в виду, что стихи мои — кривое зеркало, искажающее славную советскую действительность. Один из моих друзей, актер, с большим пафосом читал этот опус. Особое удовольствие всем доставила фраза: «Он не видит ни звезд, ни солнца, ни глаз любимой». Но была в этой статейке одна неприятная угроза: «Странно, что этому зарвавшемуся антисоветчику оказывают поддержку некоторые крупные академики». И вот мне пришлось явиться в ректорат университета и просить меня исключить — я решил проявить лояльность, чтобы не заставлять людей страдать из-за меня, чтобы они могли избежать неминуемых репрессий. Я попрощался с многочисленными новосибирскими друзьями и в июне вылетел в Москву.

В столице спорили только об одном — введут или не введут танки в Прагу. Все понимали, что, если Советский Союз окажет «братскую помощь», всем надеждам придет конец. Если посмеют расправиться с целой страной, при том чужой, то уж со своими вольнодумцами расправятся и подавно...

И все же надеялись, что не посмеют, побоятся общественного мнения Запада, что чехам удалось прорвать кордоны лжи и не смогут советские власти давить танками свободу на глазах у всего мира... Я не разделял этого оптимизма. Десять месяцев допросов в центральной тюрьме КГБ показали мне, что мало изменений в нашем отечестве со времен «вождя народов».

Я знал, что режим страны победившего социализма не может допустить ни личной свободы для своих граждан, ни развала своего незыблемого Варшавского блока. Да и чешские руководители позднее, на знаменитом совещании в Чиерне над Тисой, как-то уж слишком заискивали перед Брежневым, клялись в верности идеалам коммунизма, в то время как советская пресса уже начала клеймить их на все лады.

В дни этого совещания я жил на даче и как-то забрел в соседний дом отдыха. Группа чешских юношей и девушек, приехавших по путевкам, смущенно стояла в сторонке. Прочие отдыхающие отводили глаза — дирекция дома отдыха и вездесущие люди из КГБ предупредили всех: к чехам не подходить, будете с ними общаться, сообщим по месту работы. Я бросился к чехам. Они чуть не плакали, что кто-то с ними общается.

А над Тисой все клялись в нерушимой преданности...

21 августа утром я узнал, что советские танки вошли в Прагу. Невыносимым было состояние унижения, бессилия, отчаяния и стыда за свою страну.

На многих дачах горели костры. Жгли не сухие листья — жгли «самиздат», ожидая обысков...

25 августа с моими друзьями я вышел на Красную площадь в знак протеста против оккупации Чехословакии и снова был арестован. На этот раз я был приговорен к трем годам уголовных лагерей. В своем последнем слове на суде я сказал, в частности, следующее:

«Не стану повторять все, что сказал мой адвокат. Я с самого начала заявил, что считаю предъявленное мне обвинение несостоятельным. Мое мнение не изменилось и после того, как я выслушал показания свидетелей и речь прокурора...

Я не стану долго объяснять, почему тексты лозунгов не являются ни заведомо ложными, ни порочащими. Текст лозунга, который я держал в руках,— «За вашу и нашу свободу» — выражает мое глубокое личное убеждение...

Здесь, в зале суда, прокурор обратился ко мне с вопросом: «Какой свободы вы требуете? Свободы клеветать? Свободы устраивать сборища?»

Нет, мне не нужна «свобода клеветать». Я понимаю этот лозунг так: от нашей свободы зависит не только демократия в нашей стране, но и свобода развития другого государства, и свобода граждан другой страны...

Принимая решение по дороге на Красную площадь, я знал, что не совершу незаконных действий, но понимал, был уверен, что против меня будет возбуждено уголовное дело. И то, что я был ранее осужден, не могло побудить меня отказаться от протеста...

Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы.

Из «ЛЕФОРТОВСКОЙ БАЛЛАДЫ»

. . . .

Я вижу профиль Гумилева,
Ах, подпоручик, ваша честь,
Вы отчеканивали слово,
Как шаг, когда вы шли на смерть

Вас не представили к награде,
К простому третьему кресту
На Новодевичьем в ограде,
И даже скромно на миру.

И где могила Мандельштама,
Метель в Сучане не шепнет,
Здесь не Михайловского драма —
Куда похлеще переплет.

На глубину строки наветы...
За голубую кровь стихов
В дорогу, синюю от ветра,
Этапом мимо городов.

И он строфы не переправит...
Но умирая, понял вновь,
Что волкодавов стая травит
Не только тех, в ком волка кровь...

Как Пастернака гнали славно,
Визжали, рвали, злая прыть!
Московский Гамлет, Ваша правда,
И Вам-то, слава Богу, быть.

Чем дышишь ты, моя душа,
Когда остатки сна ночами
Скребут шагами сторожа,
Как по стеклу скребут гвоздями?

Так вот готовый эпилог
Твоей «Балладе о неверье».
В меня вгрызается глазок,
Презлой глазок железной двери.

Как в горле сгорбленный комок,
Мечусь по камере в дурмане.
И днями кружит потолок,
Как небо в нервном урагане.

Там, за решеткой, на заре,
Там, за разделом хлебных паек,
На белокаменной зиме
Раскинул иней ряд мозаик.

Людей припомним не со злом,
Душа, сочувствий мне не требуй,
Пусть путь мой крив, как рук излом,
В немой тоске воздетых к небу.

Но вдруг, душа, в моей казне
Не хватит сил — привычка к шири
И дни, отпущенные мне,
Одним движеньем растранжирю?

А если я с ума сойду —
Совсем, как сходят без уловки,
На полном поезда ходу,
Не дожидаясь остановки?

Тогда все тяжкие грехи
Я при себе, душа, оставлю.
Ни что у Бога не проси...
Он сам решит — виновен, прав ли...

1967

Из цикла «ЛАГЕРНЫЕ ЭКСПРОМТЫ»

Эх, приверженцы новых владык,
Кто от жизни оставил мне толику!
Мне живой бы напиться воды
Из колодца московского дворика.

Я один, словно сорванный с круч
При падении треснувший колокол,
Ветер тащит скопления туч
Сквозь колючую проволоку волоком.

Эх, трясина штрафных лагерей!
Сколько дней и ночей, сколько месяцев
Ты урвала у жизни моей
И смешала в безликое месиво!

Но какие же, судьи мои,
Вы на душу запреты наложите!
Отлучивши меня от земли,
От Небес отлучить вы не сможете!

Что ж, охранники новых владык,
Пусть поют вам осанну историки...
Мне живой бы вот только воды
Из колодца московского дворика.

* * *

И опять, выбиваясь из сил,
Я срываюсь на сдавленный крик,
Небосвод надо мною так синь,
Хоть совсем на него не смотри.

И опять по ночам, как в бреду,
Я мечусь, равновесье теряя,
На свою уповаю звезду,
А звезда эта тает и тает.

И опять за стенами квартир,
Как по мне, голосят патефоны,
Весь безумный, весь радостный мир
Мне объявлен запретною зоной.

У отчаянья на самом краю
Я качнусь и опять выпрямляюсь
И, как будто в неравном бою,
Не живу я, а выжить стараюсь.

Ты на слове меня не лови
Ради скуки, каприза ради,
Вся душа моя в липкой крови,
Словно губы твои в помаде.

Я устал, как заброшенный дом,
Где-то люди любовь коротают.
Взгляд твой душу берет на излом,
По ночам иногда настигая.

1968—1971

В те же первые лагерные месяцы, в те месяцы, когда предстоящий срок кажется нескончаемым, когда теряешь надежду вырваться из вони барака, саднящего скрипа метели, ко мне подошел невысокий скуластый паренек и отрекомендовался — Миша Каменев, заведующий клубом, — и сразу же стал оправдываться за сучью должность, на которой держат его исключительно за музыкальные способности. Он и вправду прекрасно играл на аккордеоне. Мы медленно брели по лагерной зоне и потом укрылись в единственно безопасное для разговоров место — туалет, стены которого к тому же спасали если не от 45-градусного мороза, но хотя бы от метели.

Среди двух тысяч обитателей суверенного государства ИТК — Тюмень, включая высшее начальство, вряд ли можно было найти человека, более сведущего в вопросах политики и литературы. Он цитировал «Новый мир», Белля и Маркса. Но окончательно ошеломил меня мой новый знакомый неожиданным признанием в том, что является глубоким поклонником Герберта Маркузе. Поначалу я воспринял это заявление как шутку. Никогда не встречал я людей, всерьез относящихся к этому западному бреду. И вдруг здесь, в самом центре Сибири,

в уголовном лагере,— приверженец идей левацкого лидера беснующейся молодежи. Однако он отнюдь не шутил. Он сыпал цитатами, выуженными из марксистской критики по поводу Маркузе, хвалил китайский метод коммунизма. И был очень разочарован, когда я объяснил, что не связан с какими-либо боевыми группами, предназначенными для свержения власти, и подобные затеи считаю нелепыми. Мне показалось, что разочарование его наигранно и словам моим он все равно не верит.

Через несколько дней он зашел ко мне в барак и стал уговаривать составить программу лагерного концерта. Приближалось 23 февраля — очередной юбилей нашей доблестной Красной Армии, и начальство требовало самодеятельности. Приближался и день освобождения моего нового знакомого, которого я уже прозвал Маркузе. Он хотел попрощаться с зоной таким концертом, каких еще не видывали здесь, за колючей проволокой. С тем он и явился ко мне.

Конечно, я сознавал, чем может кончиться для меня участие в эта кой авантюре, но соблазн был слишком велик. Каждое утро, просыпаясь от звона железной балды, возвещавшего час подъема, я думал, что не смогу подняться с нар. И все же вместе с 80 соседями по секции вставал навстречу кромешной тьме зимнего тюменского утра, навстречу каторжному дню и новому недолгому забытью на нарах. В голове вертелась вязкая мысль: кто я? откуда? зачем?

А тут концерт. Нет, слишком был велик соблазн.

Я жив еще, вы слышите, я жив,
Не для нажив, не просто ради смеха.
Как надо мной судьба ни ворожи,
Я для нее пока еще помеха.

Я дал согласие. Через три недели программа будет готова. Успеху предприятия сопутствовало то обстоятельство, что неутомимый замполит зоны майор Лашин, главная лагерная ищейка и пастырь заблудших душ, отбыл на какое-то совещание.

23 февраля после праздничного концерта — вместо вонючей каши нам дали серую, но все же лапшу — заключенных вновь запустили в столовую, она же клуб. Нельзя сказать, что эта тысяча попавших в зал очень рвалась приобщиться к творчеству своих собратьев, но после концерта крутили кино, а двери столовой накрепко запирались еще перед началом торжественной части. Маркузе собрал что-то наподобие джаз-банда, который лихо исполнял намеченную мною программу. То, что прогремело с эстрады, было для здешних мест весьма необычным. В ознаменование доблестных побед Красной Армии вместо «Партия — наш рулевой» были исполнены «Штрафные батальоны» Высоцкого и «Мы похоронены где-то под Нарвой» Галича. Зал напряженно затих. Начальник секции внутреннего порядка (СВП), надзиратель из заключенных, почуял недоброе и кинулся к дежурному офицеру. Однако дежурный был не из ретивых, особого рвения не проявлял на службе. То ли он сообразил, что за самодеятельность ответственности не несет, так как программу должны были проверить заранее высшие чины, то ли решил, что оборвать концерт — больше шуму будет, но на настойчивые призывы начальника СВП отвечал он уклончиво, и самодеятельность продолжалась.

Дальше шли песни московских бардов. Затем конферансье объявил песню «Цыганки» на слова Юлия Даниэля. Ни с одной советской эстрады ни один великий артист не решился бы произнести даже имени писателя, отбывающего в то время свой лагерный срок:

Отвечаю я цыганкам — мне-то по сердцу
К вольной воле заповедные пути,
Но не двинуться, не кинуться, не броситься,
Видно, крепко я привязан, не уйти.

Концерт подходил к концу. За кулисами праздновали победу. Маркузе раздобыл водки, и горячая влага впервые за долгие месяцы разлилась по телу, подняла и закружила душу. И я не выдержал. Скинул лагерную робу и, напялив белую рубашку, предназначенную для артистов на время концерта, вышел на сцену.

Я просто читал лирические стихи, просто читал стихи, не выкрикивал лозунгов, не призывал к восстанию:

Ударясь в грязь — не плакать слезно,
Что одинок — к чему пенять,
Да что там — падают и звезды,
И тоже некому поднять.

Концерт закончился народной лагерной песней последних лет:

Нет, нам Ветлаг не позабыть,
Нет, нам тайги не покорить,
Всех тайга с ума свела,
Распроклятая тайга.

Занавес, наконец, закрылся. Мы медленно переоделись и медленно спустились в зал. Ко мне подошел невысокий паренек с пронзительными голубыми глазами и плотно, чуть надменно сжатыми губами, Леша Соловей. Его знала вся зона. Когда-то король блатных, он отошел от их компании, но блатные не расправились с ним, как это обычно бывает. Слишком высок был его авторитет, слишком твердо и благородно держался он на лагерных разборах. Он подошел ко мне и, скрывая смущение, сказал: «Здорово это ты, политик, сочинил. Ништяк. Спасибо. Только зря ты с этим типом связался. Он в общаге воровал у своих, когда в институте учился. Я ему говорил, чтобы он тебя не втягивал, а он, паскуда, смотрит своими рыбьими глазами и кивает. У него же звонок завтра, конец срока, пятерик отчалил, и привет, а тебе тащить, кто знает, сколько...»

В зале гасили свет. Мы втиснулись между сдвинутыми вплотную телами. Замелькали титры на белой простыне и оборвались. В репродуктор кто-то отчаянно хрипел: «Делоне и Каменев, на вахту!» Зажегся свет. Я поднялся и пошел к выходу. Заключенные прижимались друг к другу, давая мне проход. Меня довели до штаба СВП; Маркузе, изматерив, отпустили по дороге (все-таки конец срока). В комнате с письменным столом и всеми атрибутами сидели члены СВП. Надзорсостава не было. Это могло означать только одно: будут бить до полусмерти. Начальник штаба поднялся первым: «Ну что, гад, антисоветчик!» Дальше все произошло как-то само собой. В моей руке оказалась табуретка, и я сам не узнал своего истеричного крика: «Суки, только с места двиньтесь, за всех не ручаюсь, но одного точно здесь оставлю навсегда, мне все равно, я не знаю, когда отсюда выйду». Воцарилась тишина, потом все расселись по местам. Красные точки прыгали перед глазами. Мне показалось, что я снова на сцене. «И вообще, послушайте,— продолжал я вкрадчиво,— я уже предупредил своих,— если со мной что-нибудь случится, завтра же будут об этом знать в Москве, всю историю расскажут по «Голосу Америки». Это возымело действие, активисты совсем стушевались. «Да с меня же голову снимут, условно-

досрочное освобождение на носу, все заслуги перечеркнут»,— жаловался начальник штаба. «Вот и не понтуйся, не создавай шума»,— посоветовал я, окончательно обнаглев.

«Ладно,— согласился он,— ты хотя бы стихи перепиши, которые читал,— мне для доклада, а то ведь все равно донесут. И те пиши, как ты Москву, столицу нашей родины, помойной ямой называешь». Я согласился. Озадачила меня только «помойная яма». Никак я не мог сообразить, где это, в каких стихах такое определение? И вдруг меня осенило: так вот в чем, оказывается, усмотрели они главную крамолу:

А Москва опять меня обманет,
Огоньками только подмигнет,
Пару строк на память прикарманит,
Да и те не пустит в оборот,

Понесет, сбивая с панталыку,
В переулках утлых наугад.
Мне бы только тихую улыбку,
Я других не требую наград.

Мне бы лишь глоток прозрачный неба,
Губы пересохшие смочить,
Да по мне слезу, светлее вербы,
Чудом заставляющую жить.

Забубнят о чем-то злые будни,
Пересуды сузят тесный круг,
И ночей полудни беспробудней,
Тяжелее трудностей досуг.

И опять в Москву, как в омут мутный,
Окунусь, уйду я с головой...
Ты постой, мечтой меня не путай,
Ну куда же денусь я с мечтой.

Я закончил писанину и размашисто, не без злорадства расписался. В комнату ввалился старшина с вахты, как бы ненароком опоздав на два часа. Ругаясь по адресу моей персоны и сибирского мороза, он повел меня в холодный карцер. Но утром меня выпустили. В отсутствие замполита никто не решался квалифицировать мое новое преступление. А замполит вернулся, на мое счастье, лишь через две недели, когда страсти уже поутихли, а подавать неоперативный доклад наверх для него было, в свою очередь, небезопасно. Меня, правда, вызывали, грозились отправить к белым медведям, но разбирательства так и не начали.

По всей зоне был издан поистине изумительный приказ: Делоне, политика, во время каких-либо культурных мероприятий в столовую-клуб не допускать. Меня вытаскивали из строя, даже когда в клубе просто крутили кино, без всякого концерта. Мои возражения о том, что не могу же я святым духом очутиться на экране, в учет не принимались...

Весна не принесла облегчения. Вместо леса пошла погрузка шпального бруса. От реки, от барж таскали мы в гору к вагонам бревна весом от 80 до 120 кг. По бревну на человека, по скользкому трапу на верх вагона. Даже видавшие виды сибирские мужики падали без сил

на землю. Подоспевшие бригадиры били их ногами, заставляя подняться.

Однажды, когда фургоны, как обычно, подвезли нас к воротам лесобазы, мы увидели дым. В рабочую зону нас не запускали. Замелькали машины с начальством. Горели бесчисленные штабеля шпал и леса, каждый высотой с пятиэтажный дом. Стояла ранняя весна, и было уму непостижимо, как все это могло загореться. Наконец, нас повели в зону. Гроза лагеря, начальник по режиму майор Мичков, был вне себя. Путая все на свете, даже свои излюбленные матерные выражения, он угрожал расстрелом всем сразу, если пожар не потушат. Заключенные бросились тушить. Горящие балки и бревна растаскивали железными крючками, сталкивали на эстакаду. Штабеля скрипели и катились вниз к реке лавиной. Троих зэков, изрядно покалеченных, полуживых, отнесли к вахте. Штурм штабелей продолжался.

Не испытывая особого энтузиазма, я воспользовался общей суматохой и отправился покурить. Но не успел я выбраться из опасной зоны, как столкнулся со всем синклитом высшего начальства, в том числе с майором Мичковым. Огромная лысая голова майора покрылась красными пятнами. Он даже не прохрипел, а прошептал: «Что, мать твою, разгуливаешь, доволен, диверсант. Не волнуйся, живым отсюда не выйдешь. Мы знаем, это твоих рук дело». Мне оставалось промолчать и поспешить на линию огня.

Следствие по поводу пожара тянулось долго, вызывали всех, ходили туманные слухи. До малейших деталей выспрашивали все обо мне и моей реакции на случившееся. Я ожидал самого худшего. Долго ли вообще состряпать «дело». Был бы человек, а статья всегда найдется, тем более в лагерной зоне, да еще и уголовной. Но моя неожиданная дружба с Лешей Соловьем, бывшим королем зоны, спасла меня.

Меня всегда удивляло, каким образом этот щуплый парень с летучей походкой умудрялся внушить страх и уважение не только блатным и активистам, но и лагерному начальству. Но дело обстояло именно так. О нашей дружбе с Соловьем знала вся зона, и ни один заключенный, даже за существенные блага, не решился в те дни, да и много раз позже дать на меня липовый протокол.

История с поджогом забывалась. Лес, разумеется, списали, заключенных на другой объект не перевели. И мы еще долго таскали с места на место обугленные бревна, возвращаясь в барак черными от копоти. И только потом лагерные друзья сказали мне, что красную зарю устроил Маркузе, уже давно гулявший по Тюмени. Я тогда не придал значения этому разговору. Откуда было мне знать, что с Маркузе я еще встречусь...

Прошло четыре года, и в дверь московской квартиры, где я жил у друзей, раздался звонок. На пороге стоял Маркузе. Начались расспросы, воспоминания, бросились в гастроном, который вот-вот должен был закрыться. В шумной очереди за водкой мне неожиданно вспомнилась горящая лесобаза, и я весело спросил: «Не ты ли им тогда петуха пустил?» Маркузе вздрогнул и самодовольно сказал: «Да откуда тебе знать».

Вернулись в квартиру, пошли застольные разговоры. Оказалось, что мой лагерный знакомый исповедует все ту же идеологию. Он совал мне единственную изданную по этому поводу в СССР книгу «Третий путь Маркузе». Более того, он поведал мне, что стоит перед дилеммой — бороться в России или уезжать для этого на Запад, что, мол, у него и здесь дел достаточно. О делах этих я его, разумеется, не расспрашивал. Я водил его по московским компаниям, крутил ему пленки

бардов и даже ухитрился достать для него билет на «Гамлета» в Театр на Таганке. То есть развлекал его по первому разряду.

Он тоже немного поразвлек меня на прощанье. Как-то, вернувшись домой, я не обнаружил там Маркузе, который должен был меня дожидаться. Не обнаружил я и наличных денег. Кроме того, исчезли все магнитофонные ленты с записями и часы. Меня поразила исключительная наглость Маркузе: ведь жил он недалеко от мест, где мы вместе сидели, и, дойди до Тюмени слух о его поступке, ему бы не поздоровилось. Своровать у своего в лагере называется крысятничеством, и за подобные дела, по меньшей мере, бьют до полусмерти. Но чего не сделаешь для нужд революции!

Так или иначе, но Маркузе исчез. Прошел еще год. Мне неожиданно принесли повестку с требованием немедленно выехать для допросов в прокуратуру Смоленской области. Никаких знакомых в Смоленской области у меня отродясь не было, и я долго ломал голову, что бы это могло означать. Время для меня было тревожное. Товарищи из досточтимых органов мягко через повестки в психиатрическую лечебницу намекали, что пора бы покинуть пределы вверенного им государства. И я не ожидал от этого Смоленска ничего хорошего. Повестки шли одна за одной. В дверь ломились милиционеры. Я наотрез отказывался ехать. Наконец, звонком на работу я был вызван в Московскую прокуратуру. Вежливый молодой следователь записал в протокол мои данные, а затем задал вопрос: «Знаете ли вы Михаила Каменева?» — «А в чем, собственно, дело?» — спросил я. Первое, что пришло мне в голову: Маркузе арестовали за какую-нибудь кражу, а он для чистосердечности раскаяния сообщил, что и меня немного обчистил. Но ответ следователя был неожиданным: «Видите ли, он арестован за убийство кассира и ограбление магазина в селе таком-то Смоленской области. Но дело не в этом. К вам другой вопрос: что вам известно о поджоге лесобазы, на которой работали заключенные Тюменского лагеря весной 1969 года?» Признаться, мне стало не по себе. Я ответил: «По этому делу велось следствие. Больше ничего добавить не могу. Насколько знаю, даже не установлено, имел ли место в действительности поджог». Следователь молча протянул мне выдержки из показаний Маркузе: «В 1969 году я устроил поджог лесобазы на реке Тура. О поджоге прекрасно знал Вадим Делоне, который отнесся к этому положительно, сказав: хорошего петуха ты им пустил».

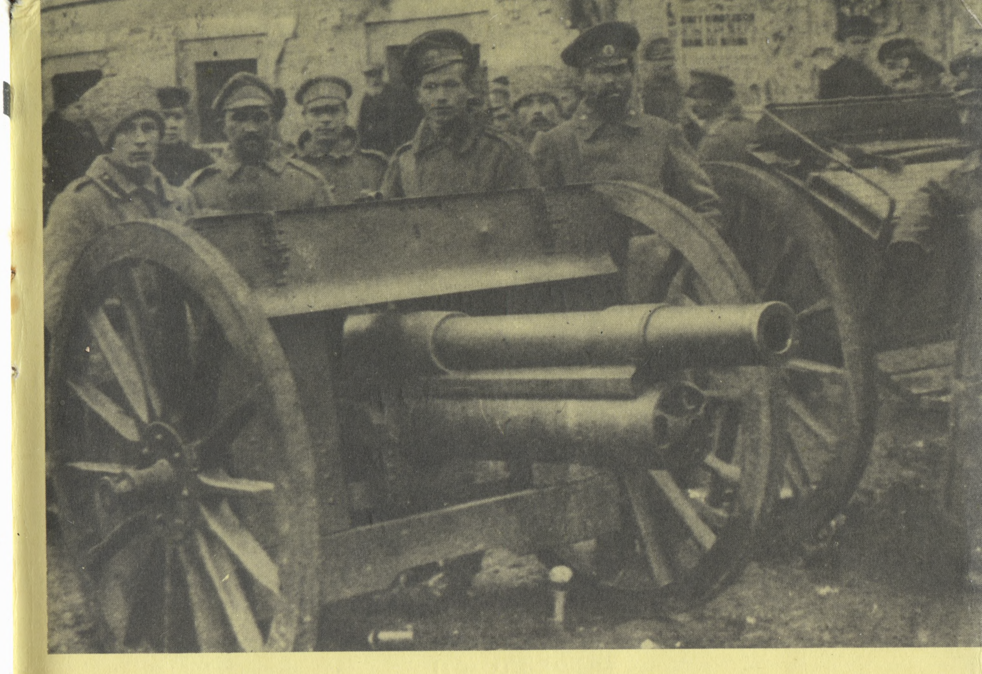
Мне пришлось сослаться на то, что Маркузе большой фантазер, и это было сущей правдой. Впрочем, если постараться, то доказать можно все что угодно. Да и одной этой фразы про петуха было вполне достаточно для предъявления обвинения в призыве к террору. И я ждал новых вызовов в прокуратуру. Но и на этот раз как-то пронесло.

Я даже не знаю, кончился ли третий путь Маркузе, и если кончился — мир праху твоему, бедолага.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **1.** Дипломатика. **8.** Патруль. **9.** Волынка. **10.** Спор. **11.** Жванецкий. **12.** Фтор. **16.** Астара. **19.** Баланс. **20.** Пианист. **22.** Антропомаксимология. **23.** Околица. **24.** Атьков. **25.** Постав. **29.** Азот. **30.** Рубильник. **31.** Ложа. **34.** Штурвал. **35.** Вибрато. **36.** Джомолунгма.

По вертикали: **1.** Дари. **2.** Полова. **3.** Медоед. **4.** Ирония. **5.** Акын. **6.** Самостоятельность. **7.** Экстравагантность. **10.** Спартакиада. **13.** Раскряжевка. **14.** Хроноскоп. **15.** Кабельтов. **17.** Марафон. **18.** Гипслис. **20.** Поопо. **21.** «Тимка». **26.** Турако. **27.** Глагол. **28.** Фитинг. **32.** Град. **33.** Орда.

Красногвардейцы у орудия на Скобелевской площади. Ноябрь 1917 года

Колонна школьников. Декабрь 1917 года